

Жорж Сименон

Мегрэ и порядочные люди

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

Ночью в квартире Мегрэ зазвонил телефон, но комиссар, стараясь ощупью найти аппарат, не ворчал, как обычно, когда его будили среди ночи, а с облегчением вздохнул.

Хотя он плохо помнил прерванный сон, но ощущал, что сюжет был неприятный: Мегрэ пытался оправдаться перед каким-то важным чиновником, лица которого не видел, что он не виноват, что необходимо подождать еще несколько дней, потому что он не вошел в привычный ритм и все быстро разрешится. А главное, не нужно смотреть на него таким укоризненно-ироническим взглядом.

- Алло!

Пока он подносил трубку к уху, мадам Мегрэ приподнялась и включила лампу у изголовья.

- Мегрэ? - послышалось в трубке.

- Я слушаю.

Голос показался ему знакомым.

- Говорит Сент-Юбер.

Сент-Юбер, комиссар полиции, был ровесником Мегрэ. Они познакомились, когда оба только начинали работать в полиции. Называли они друг друга по фамилии, но на "ты" не переходили. Сент-Юбер, высокий, рыжеволосый, слегка медлительный и степенный, старался ставить точки над "i".

- Я вас разбудил?

- Да.

- Прошу прощения, но, вероятно, вам все равно с минуты на минуту позвонят с набережной Орфевр, чтобы ввести в курс дела. Я поставил в известность прокуратуру и уголовную полицию.

Сидя на постели, Мегрэ протянул руку, чтобы взять с ночного столика трубку, которую оставил там, ложась спать, и искал глазами спички, а мадам Мегрэ встала и пошла за ними к камину. В открытое окно проникал теплый воздух светящегося редкими огоньками Парижа и слышно было, как вдали проезжают машины.

За пять дней, прошедших после возвращения из отпуска, их впервые будили в такую пору, и Мегрэ почувствовал, как снова начинает понемногу входить в привычный для него ритм жизни.

- Слушаю вас, - пробормотал комиссар, делая несколько затяжек, пока жена подносила ему зажженную спичку.

- Я нахожусь в квартире Рене Жослена, улица Нотр-Дам-де-Шан, 37, напротив монастыря Сестер милосердия. Здесь совершено преступление. Подробности еще не знаю, так как приехал двадцать минут назад... Вы меня слышите?

- Да...

Мадам Мегрэ пошла в кухню за кофе, и Мегрэ с благодарностью посмотрел на нее.

- Кажется, это дело не из простых. Довольно деликатного свойства. Вот почему я решился позвонить вам... Я опасался, как бы сюда не прислали дежурного инспектора.

По тому, как тщательно он подбирал слова, чувствовалось, что рядом с ним кто-то есть.

- Я знал, что вы только из отпуска...

- Да. Вернулся на прошлой неделе.

Была среда. Точнее, четверг, потому что будильник на ночном столике у кровати мадам Мегрэ показывал десять минут третьего. Вечером супруги Мегрэ ходили в кино, даже не столько за тем, чтобы посмотреть фильм, кстати довольно посредственный, а скорее, чтобы не изменять своим привычкам.

- Вы можете приехать?

- Да. Уже одеваюсь.

- Лично я буду вам крайне признателен. Я немного знаю Жосленов. Никогда бы не подумал, чтобы у таких людей могла произойти драма.

Даже табак ассоциировался у Мегрэ с работой: запах недокуренной накануне трубки, которую зажигаешь среди ночи, когда тебя будят по срочному делу.

Даже запах ночного кофе отличался от утреннего, ну, а запах бензина, который проникал через открытое окно...

Уже неделю Мегрэ казалось, будто что-то произошло.

Впервые он провел целых три недели в Мён-сюр-Луар, не имея ни малейшего контакта с уголовной полицией, впервые его ни разу не вызвали в Париж по срочному делу.

Они обживали дом, ухаживали за садом. Мегрэ ловил рыбу, играл в белот с местными жителями, а теперь, после возвращения, никак не мог войти в привычную колею.

Впрочем, Париж тоже. Уже не было ни дождей, ни недавней летней свежести. Огромные туристические автобусы возили по улицам иностранцев в пестрых рубашках, и хотя многие парижане уже вернулись из отпусков, были еще и такие, которые только сейчас собирались ехать отдыхать.

Здание уголовной полиции, даже его собственный кабинет, казались Мегрэ какими-то нереальными, и он время от времени даже спрашивал себя, что он здесь делает, словно настоящая жизнь проходила там, на берегах Луары.

Наверное, поэтому ему и приснился такой сон, подробности которого он тщетно пытался вспомнить. Мадам Мегрэ принесла из кухни чашечку горячего кофе и сразу поняла, что ее муж нисколько не раздосадован тем, что его так внезапно разбудили. Казалось, напротив, он был этому даже рад.

- Где это?

- На Монпарнасе... Улица Нотр-Дам-де-Шан.

Он надел рубашку, брюки и уже зашнуровал ботинки, когда снова зазвонил телефон. На сей раз из уголовной полиции.

- Патрон, это я, Торранс... Нам сейчас сообщили...

- Что на улице Нотр-Дам-де-Шан убит человек...

- Вы уже в курсе? Собираетесь туда ехать?

- Кто сейчас в кабинете?

- Дюпе. Он допрашивает какого-то субъекта, подозреваемого в краже бриллиантов. Есть еще Ваше... Погодите... Вот идет Лапуэнт.

- Скажи Лапуэнту, чтобы ехал и ждал меня там.

Жанвье был в отпуске. Вернувшийся вчера после отдыха Люка еще не приступал к работе.

- Вызвать тебе такси? - спросила мадам Мегрэ.

Шофер такси оказался знакомым, и это тоже было приятно комиссару.

- Куда поедем, шеф?

Он дал адрес и набил полную трубку. На улице Нотр-Дам-де-Шан стояла маленькая черная машина уголовной полиции, а возле нее Лапуэнт с сигаретой в зубах разговаривал с полицейским.

- Четвертый этаж, направо, - сказал полицейский.

Мегрэ и Лапуэнт вошли в идеально чистый, респектабельный с виду дом, какие бывают только в богатых кварталах. Через тюлевые занавески привратницкой пробивался свет, и, проходя мимо окошка, комиссару показалось, что он узнал инспектора VI округа, который разговаривал с консьержкой.

Едва лифт успел остановиться, как открылась дверь и им навстречу вышел Сент-Юбер.

- Прокуратура приедет не раньше чем через полчаса... Входите... Сейчас вы поймете, почему я решился вам позвонить.

Они очутились в просторной прихожей, потом Сент-Юбер распахнул дверь, и они вошли в тихую гостиную, где никого не было, если не считать мужчины, который полулежал в кожаном кресле. Несмотря на довольно большой рост и полноту, он весь как бы вжался в кресло, голова свисала набок, глаза были открыты.

- Я попросил семью выйти отсюда. Мадам Жослен находится на попечении домашнего врача, доктора Ларю, кстати, моего приятеля.

- Она ранена?

- Нет. Когда это случилось, ее не было дома. Сейчас я введу вас в курс дела.

- Кто живет в квартире? Сколько человек?

- Двое...

- Но вы говорили о семье...

- С тех пор как дочь вышла замуж, месье и мадам Жослен живут здесь вдвоем. Их зять - доктор Фабр, педиатр, ассистент профессора Барона в детской больнице.

Лапуэнт записывал эти сведения.

- Сегодня вечером мадам Жослен с дочерью ушли в театр Мадлен.

- А мужа?

- Какое-то время Рене Жослен находился дома один.

- Он не любил театр?

- Не знаю. Пожалуй, был домоседом.

- Чем он занимался?

- Последние два года - ничем. А раньше владел картонажной фабрикой на улице Сен-Готар. Там выпускают роскошные картонные коробки, например для духов... Но по состоянию здоровья ему пришлось уступить свое дело.

- Сколько ему было лет?

- Шестьдесят пять или шестьдесят шесть... Итак, вчера вечером он был дома один... Потом, точно не знаю в котором часу, пришел его зять, и они стали играть в шахматы...

Действительно, на столике стояла шахматная доска с фигурами, расставленными в той позиции, когда игра была прервана.

Сент-Юбер говорил вполголоса, и было слышно, как за неплотно закрытыми дверями кто-то ходит.

- Когда мать с дочерью вернулись из театра...

- В котором часу?

- В четверть первого... Так вот, когда они вернулись, то нашли Рене Жослена в таком виде.

- Сколько пуль?

- Две... Обе в области сердца...

- Соседи ничего не слышали?

- Ближайшие соседи еще не вернулись из отпуска...

- Вам сразу сообщили?

- Нет. Сначала они вызвали своего домашнего врача, доктора Ларю, он живет в двух шагах от них, на улице Асса. На это ушло какое-то время, и только в десять минут второго мне позвонили из комиссариата.

Я немедленно оделся и приехал сюда... Я смог задать всего несколько вопросов. Учитывая состояние мадам Жослен...

- А зять?

- Он пришел незадолго до вас.

- Что он говорит?

- Его с трудом разыскали. В конце концов нашли в больнице, куда он зашел проведать, если я не ошибаюсь, ребенка, больного энцефалитом...

- Где он сейчас?

- Там... - Сент-Юбер указал на одну из дверей, откуда доносился шепот. - Судя по тому немногому, что мне удалось узнать, речь не идет об ограблении, поскольку мы не обнаружили никаких следов взлома... У Жосленов нет врагов... Это порядочные люди, с ними не случилось никаких скандальных историй...

В дверь постучали. Пришел Ламаль, судебный медик. Он пожал руки присутствующим, потом поставил на комод свой чемоданчик и открыл его.

- Мне позвонили из прокуратуры, - сказал он. - Сейчас приедет заместитель прокурора.

- Я хотел бы задать несколько вопросов дочери, - прошептал Мегрэ, внимательно оглядев комнату.

Он понимал ощущение Сент-Юбера. Обстановка здесь была не просто элегантной и комфортабельной, все здесь дышало миром, семейным покоем. Они находились не в гостиной с показной роскошью, а скорее в комнате, где все было приспособлено для жизни. Каждый предмет имел свое назначение и свою историю.

В огромном кресле из рыжеватой кожи, без сомнения, по вечерам любил сидеть перед телевизором Рене Жослен.

На этом рояле долгие годы играла маленькая девочка, портрет которой висел на стене, а возле другого кресла, не такого глубокого, как у хозяина дома, стоял красивый рабочий столик в стиле Людовика XV.

- Позвать ее?

- Я предпочел бы поговорить с ней в другой комнате.

Сент-Юбер постучал в какую-то дверь, на минуту исчез, а потом вернулся. Идя за ним, Мегрэ заглянул в спальню и увидел там на кровати женщину, над которой склонился врач.

Другая женщина, помоложе, вышла к комиссару и спросила шепотом:

- Вы не возражаете, если мы пройдем в мою бывшую комнату?

Они вошли в комнату молодой девушки, с сувенирами, безделушками, фотографиями, словно она, уже будучи замужней женщиной и приходя в родительский дом, снова хотела вернуться в обстановку своей юности.

- Ведь вы комиссар Мегрэ, не так ли?

Он кивнул.

- Пожалуйста, курите. Мой муж с утра до вечера не выпускает изо рта сигареты. Не курит он разве что у постели своих пациентов...

Она была в нарядном платье, а перед театром побывала в парикмахерской. Она нервно теребила в руке носовой платок.

- Вы не хотите присесть?

- Нет. И вы тоже?

Она не могла оставаться на одном месте, ходила по комнате, не зная, на чем остановить взгляд.

- Вы представляете, что это значит для нас? В газетах, по радио каждый день говорят о преступлениях, но трудно представить, что такое может случиться в твоей семье... Бедный папа!

- Вы были очень близки с отцом?

- Это был человек редкой доброты... Я значила для него все на свете... Единственная дочь. Месье Мегрэ, вы непременно должны разобраться в том, что произошло, и объяснить нам... У меня не выходит из головы, что это чудовищная ошибка...

- Вы думаете, убийца мог, например, ошибиться этажом?

Она посмотрела на него как человек, которому бросают якорь спасения, но тут же покачала головой:

- Это невозможно... Замок не сломан... Отец сам открыл дверь...

- Лапуэнт, можешь войти! - позвал Мегрэ.

Он представил его, и тот покраснел от неловкости, очутившись в девичьей комнате.

- Позвольте задать вам несколько вопросов. Кому именно, вам или матери, пришла в голову мысль этим вечером пойти в театр?

- Не помню. Кажется, маме. Она всегда настаивает на том, чтобы я куда-то выходила. У меня двое детей.

Старшему три года, младшему - десять месяцев. Муж мой либо принимает в своем кабинете, тогда я его совсем не вижу, либо находится в больнице или у своих больных. Он весь в работе. И вот, время от времени, два-три раза в месяц мама звонит мне и предлагает нам куда-нибудь вместе пойти. Сегодня шел спектакль, который я давно хотела посмотреть...

- Ваш муж был занят?

- По крайней мере до половины десятого. А это слишком поздно. Кроме того, он не любит театр.

- В котором часу вы пришли сюда?

- К половине девятого.

- Где вы живете?

- На бульваре Брюн, возле университетского городка.

- Вы приехали на такси?
- Нет. Меня подвез муж на машине. У него было окно между двумя визитами.
- Он поднялся с вами наверх?
- Нет. Он высадил меня около дома и уехал.
- А позже он должен был вернуться сюда?
- Обычно, когда мы с мамой уходили, Поль, так зовут моего мужа, закончив свои дела, заезжал сюда.

Они с отцом играли в шахматы или смотрели телевизор.

- Так было и вчера?
- Он говорит, что так. Приехал Поль вскоре после половины десятого. Они начали партию, потом мужа вызвали по телефону к больному.

- В котором часу?

- Он не успел мне сказать... Он уехал, а когда мы с мамой вернулись, то застали...

- А где был в это время ваш муж?

- Я сразу же позвонила домой, и Жермена, наша няня, сказала, что он еще не вернулся.

- Вам не пришло в голову позвонить в полицию?

- Не знаю... Мы с мамой были так потрясены...

Мы ничего не понимали... Необходимо было с кем-то посоветоваться, и я решила позвать доктора Ларю...

Это наш друг и в то же время - папин домашний врач...

- Вас не удивило отсутствие мужа?

- Сначала я подумала, что его задержали какие-то срочные дела... Потом, когда пришел доктор Ларю, я позвонила в больницу. Он оказался там.

- Как он отреагировал?

- Сказал, что немедленно приедет. Доктор Ларю уже вызвал полицию. Я не уверена, что рассказываю вам все по порядку... Я в это время находилась возле мамы. Она абсолютно не сознавала, что происходит...

- Сколько ей лет?

- Пятьдесят один. Она намного моложе папы. Он поздно женился, в тридцать пять лет...

- Позовите, пожалуйста, вашего мужа.

Через открытую дверь Мегрэ услышал голоса в гостиной, голос заместителя прокурора Мерсье и молодого следователя, Энтъена Госсара, которого, как и всех остальных, подняли с постели. Не замедлили явиться и сотрудники из отдела судебной экспертизы.

- Вы хотели меня видеть?

Доктор Фабр оказался худым, нервным молодым человеком. Жена вернулась вместе с ним и робко спросила:

- Мне можно остаться?

Мегрэ кивнул.

- Мне сказали, доктор, что вы приехали сюда около половины десятого?

- Чуть позже, не намного...

- Ваш рабочий день уже закончился?

- Я так полагал, но с моей профессией нельзя никогда ни в чем быть уверенным.

- Вероятно, уходя из дому, вы оставляете служанке адрес, по которому вас можно найти?

- Жермена знала, что я буду здесь.

- Это служанка?

- Да, но когда жены нет дома, она сидит с детьми.

- Что делал ваш тесть?

- Как обычно, смотрел телевизор. Ничего интересного не показывали, и он предложил мне сыграть партию в шахматы. Мы сели. Примерно в четверть одиннадцатого зазвонил телефон...

- Спрашивали вас?

- Да. Звонила Жермена и сказала, что меня срочно вызывают на улицу Жюли, дом 28... Это в нашем квартале. Жермена не расслышала фамилию, не то Лесаж, не то Леша, а может быть, Лаша... Ей показалось, что человек, который звонил, был очень взволнован...

- Вы тут же поехали?

- Да, сказал тестю, что вернусь, если этот визит не займет много времени, а в противном случае сразу же поеду домой. Я собирался так поступить. Поскольку я работаю в больнице, то всегда встаю очень рано.

- Сколько вы пробыли у больного?

- В том-то и дело, что никакого больного там не оказалось. Я спросил у консьержки, но она удивленно на меня посмотрела и сказала, что во всем доме нет человека с фамилией, похожей на Лесаж или Леша, и что больных детей тоже нет.

- Что вы сделали?

- Попросил разрешения позвонить домой и переспросил Жермену. Она сказала, что речь шла о доме 28... На всякий случай я зашел еще в дома 18 и 38, но безуспешно... Поскольку я все равно ушел от тестя, то решил заглянуть к себе в больницу, проведать ребенка, который меня беспокоил...

- Который это был час?

- Не знаю... Около получаса я посидел у его постели... Затем вместе с одной из медсестер обошел палаты... Наконец меня позвали к телефону... Звонила жена...

- Вы последний видели месье Жослена. Вы не заметили, он не был взволнован?

- Нет, не был. Он проводил меня до двери и сказал, что один закончит партию. Я слышал, как он закрыл дверь на цепочку.

- Вы уверены?

- Я отчетливо слышал звук закрываемой цепочки.

Могу поклясться...

Значит, он должен был встать, чтобы открыть дверь убийце... Скажите, мадам, когда вы с матерью вернулись, дверь не была закрыта на цепочку?

- Мы бы тогда не попали в квартиру.

Доктор курил мелкими затяжками, прикуривая одну сигарету от другой, с беспокойством поглядывая то на ковер, то на комиссара. Он был похож на человека, который безуспешно пытается разрешить какую-то проблему, а его жена казалась не менее взволнованной, чем он.

- Простите меня, но завтра придется подробнее вернуться к этим вопросам...

- Понимаю.

- Сейчас мне еще нужно поговорить с сотрудниками прокуратуры.

- Тело увезут?

- Это необходимо.

Слово "вскрытие" произнесено не было, но чувствовалось, что молодая женщина об этом думает.

- Возвращайтесь к мадам Жослен. Я тоже скоро к ней зайду, но постараюсь побыть у нее как можно меньше.

В гостиной Мегрэ машинально пожимал руки коллегам из отдела экспертизы, которые устанавливали там свои приборы.

Озабоченный следователь спросил:

- Что вы об этом думаете, Мегрэ?

- Ничего.

- Вас не удивляет, что именно в этот вечер зятя вызвали к несуществующему больному? Они с тестем ладили?

- Не знаю.

Комиссар боялся подобных вопросов. Ведь он только начинал знакомиться с жизнью этой семьи. В комнату вошел инспектор, которого Мегрэ видел через окошко привратничкой, и с блокнотом в руке сразу же направился к Мегрэ и Сент-Юберу.

- Консьержка отвечает на все вопросы весьма уверенно, - сказал он. - Я ее допрашивал около часа.

Она женщина молодая, неглупая. Муж у нее - полицейский. Сегодня он на дежурстве.

- Что она говорит?

- Она открыла дверь доктору Фабру в девять тридцать пять вечера. Она в этом абсолютно уверена, потому что как раз собиралась спать и заводила будильник. Она всегда ложится рано, так как ее трехмесячный ребенок ночью просыпается для первого кормления. Только она уснула, как в четверть одиннадцатого раздался звонок, и она ясно расслышала голос доктора Фабра, который, проходя мимо привратничкой, назвал свое имя.

- Сколько человек входило и выходило после этого?

- Постройте... Она попыталась заснуть, как снова позвонили. На сей раз у входной двери. Вошедший назвал свое имя: Ареско. Это южноамериканская семья, которая живет на втором этаже. Почти тотчас же проснулся ребенок. Мать не смогла его убаюкать, и ей пришлось встать и подогреть ему сладкую воду. До возвращения мадам Жослен и ее дочери никто больше не входил и не выходил.

Слушавшие его чиновники смотрели друг на друга с серьезным видом.

- Иначе говоря, - произнес следователь, - доктор Фабр покинул дом последним?

- Мадам Боше - это фамилия консьержки - настаивает на своих словах. Если бы она спала, то не стала бы утверждать так категорично. Но из-за ребенка она все время была на ногах...

- Она еще не ложилась, когда дамы вернулись. Выходит, ребенок не спал в течение двух часов?

- Похоже что так. Она даже стала беспокоиться и пожалела, что пропустила доктора Фабра, с которым можно было бы посоветоваться.

Присутствующие чиновники вопросительно поглядывали на Мегрэ, а тот стоял с недовольным видом.

- Нашел гильзы? - спросил он, повернувшись к одному из специалистов из отдела судебной экспертизы.

- Две... 6,35... Можно унести тело?

Мужчины в белых халатах ждали с носилками. В ту минуту, когда Рене Жослена, закрытого простыней, уносили из квартиры, в комнату неслышно вошла дочь. Она встретила взглядом с комиссаром.

- Почему вы здесь?

Она ответила не сразу, проводила глазами санитаров, уносивших тело отца, и только, когда дверь снова закрылась, прошептала словно в забытии:

- Мне пришла в голову одна мысль... Пойдите...

Она подошла к стоявшему в простенке между окнами старинному комоду и выдвинула верхний ящик.

- Что вы ищете?

Ее губы дрожали, и она в упор посмотрела на Мегрэ:

- Пистолет...

- В этом ящике лежал пистолет?

- Многие годы... Когда я была маленькая, ящик запирали на ключ...

- Какой системы был пистолет?

- Плоский, голубоватый, бельгийской марки...

- Браунинг 6,35?

- Кажется... Я не совсем уверена... На нем выгравировано слово "Эрсталь" и какие-то цифры...

Стоявшие в комнате снова переглянулись, поскольку описание соответствовало пистолету калибра 6,35.

- Когда вы видели его в последний раз?

- Довольно давно... Несколько недель назад... Может быть, даже несколько месяцев... Кажется, как-то вечером, когда мы играли в карты... Карты лежали в том же ящике... Они и сейчас здесь... В этом доме у каждой вещи есть свое место.

- Но пистолета на месте больше нет?

- Нет.

- Выходит, тот, кто им воспользовался, знал, где его искать...

- Может быть, мой отец, чтобы обороняться...

В ее глазах был страх.

- У ваших родителей есть прислуга?

- Была служанка, но полгода назад она вышла замуж. После нее они нанимали еще двух других, но они не подошли, и мама решила взять приходящую, мадам Маню, которая работает у них с семи утра до восьми вечера.

Все это выглядело обычно, вполне естественно, не считая того, что безобидный человек, который недавно вышел на пенсию, был убит в своем кресле.

Что-то в этой драме настораживало, казалось нелогичным.

- Как чувствует себя мадам Жослен?

- Доктор Ларю заставил ее лечь в постель. Она не произнесла ни слова и смотрит немигающим взглядом, словно в беспамятстве. Она даже не заплакала. Похоже, у нее провал в памяти. Доктор просит у вас разрешения дать ей снотворное... Он считает, что ей лучше заснуть... Вы разрешите?

- Разумеется.

Разве Мегрэ узнает правду, даже если задаст несколько вопросов мадам Жослен?

- Я не возражаю, - добавил он.

Сотрудники отдела судебной экспертизы все еще работали с присущей им методичностью и хладнокровием. Заместитель прокурора попрощался и спросил:

- Вы идете, Госсар? Вы на машине?

- Нет. Я приехал на такси.

- Если хотите, я вас подвезу.

Сент-Юбер тоже собрался уходить, не преминув шепнуть Мегрэ:

- Я правильно сделал, что вызвал вас?

Мегрэ кивнул и уселся в кресло.

- Открой окно! - сказал он Лапуэнту.

В комнате было душно, и комиссара внезапно поразило, что, несмотря на летнюю жару, Жослен просидел весь вечер в комнате с закрытыми окнами.

- Позови зятя...

- Сейчас, шеф...

Доктор сразу же вошел. Он выглядел усталым.

- Скажите мне, доктор, когда вы уходили от тестя, окна в комнате были открыты или закрыты?

Он подумал, посмотрел на оба окна с опущенными шторами:

- Пойдите... Не могу сказать... Попытаюсь вспомнить... Я сидел здесь... Мне кажется, я видел огни...

Да... Могу почти поклясться, что левое окно было открыто... Я отчетливо слышал шум улицы...

- Перед уходом вы не закрывали окно?

- С какой стати?

- Не знаю.

- Нет. Мне и в голову не пришло... Не забудьте, я ведь не у себя дома...

- Вы часто здесь бывали?

- Примерно раз в неделю... Вероника заходила к родителям чаще... Скажите, можно мне... Моя жена останется здесь на ночь, а я бы предпочел вернуться домой... Мы никогда не оставляем детей с няней на всю ночь... К тому же к семи утра я должен быть в больнице...

- А что вам мешает уйти?

Доктор был удивлен таким ответом. Вероятно, он уже считал, что находится под подозрением.

- Благодарю вас...

Было слышно, как доктор что-то сказал жене в соседней комнате, потом без шапки, с чемоданчиком в руке прошел через гостиную и смущенно попрощался.

Глава 2

Когда трое мужчин ушли, в квартире остались лишь мадам Жослен и ее дочь. Младенец консьержки после бессонной ночи, должно быть, уснул, так как в привратничкой было темно, и Мегрэ даже минуту колебался, нажимать ли на кнопку звонка.

- Что вы скажете, доктор, может быть, пойдём и выпьем по стаканчику?

Лапуэнт было открыл дверцу черной машины, но застыл в ожидании ответа. Доктор Ларю посмотрел на часы, словно от этого зависело его решение.

- Охотно выпью чашечку кофе, - произнес он значительно, чуть вкрадчивым голосом, каким, вероятно, разговаривал со своими больными. - Думаю, бар на перекрестке Монпарнас еще открыт.

Рассвет еще не наступил. Улицы были почти безлюдны. Мегрэ поднял голову и увидел, что на четвертом этаже в окнах гостиной, одно из которых осталось открытым, погас свет.

Наверное, Вероника Фабр разденется и ляжет спать в своей бывшей комнате, а может быть, останется сидеть у постели матери, уснувшей после укола. О чем она думает в этих вдруг опустевших комнатах, где только что побывало столько чужих людей?

- Подгони машину! - сказал комиссар Лапуэнту.

Нужно было пройти только по улице Вавен. Ларю и Мегрэ медленно шли вдоль тротуара. Доктор был небольшого роста, широкоплечий, слегка полноватый. Должно быть, ему никогда не изменяло чувство собственного достоинства и он всегда оставался добродушным и выдержанным. Чувствовалось, что он привык к богатой, респектабельной, хорошо воспитанной клиентуре, от которой перенял тон и манеру держаться, может быть даже чуть-чуть переигрывая.

Несмотря на свои пятьдесят лет, в его голубых, по-детски наивных глазах угадывалась боязнь огорчить, а позднее Мегрэ узнал, что он ежегодно выставлял свои работы в Салоне врачей-художников.

- Давно вы знаете Жосленов?

- С тех пор, как живу в этом квартале, иначе говоря, уже лет двадцать. Вероника была еще совсем крошкой, и, если не ошибаюсь, впервые Жослены вызвали меня к ней из-за кори.

Воздух был свежий, слегка влажный. Газовые фонари отбрасывали кольца света. Кафе на углу бульвара Распай было еще открыто, возле него стояло много машин. У входа портье в ливрее принял обоих мужчин за постоянных клиентов и распахнул перед ними дверь в зал, откуда донеслись громкие звуки музыки.

Лапуэнт медленно ехал за ними в маленькой машине и остановился у тротуара.

На Монпарнасе еще была ночь. У стены отеля вполголоса спорила какая-то пара. Как и предполагал доктор, в баре горел свет, и там сидело несколько посетителей, а у стойки старая торговка цветами пила кофе с коньяком.

- Мне рюмку коньяку, - сказал Мегрэ.

Доктор колебался.

- Наверное, я возьму то же самое.

- А ты, Лапуэнт?

- Мне то же, патрон.

- Три коньяка.

Они сели за круглый столик у окна и стали вполголоса разговаривать. На улице проезжали редкие в этот час машины. Ларю убежденно говорил:

- Это порядочные люди. Очень скоро у нас с ними установились дружеские отношения, и мы с женой стали довольно часто у них обедать.

- Они люди состоятельные?

- Смотря что под этим понимать. Безусловно, они весьма состоятельные. Отец Рене Жослена уже владел маленьким картонажным предприятием на улице Сен-Готар, простой застекленной мастерской в глубине двора, где работало человек десять. Унаследовав ее, сын купил современное оборудование. Он был человек со вкусом, стремился к чему-то новому и скоро приобрел клиентуру среди крупных парфюмеров и владельцев роскошных магазинов.

- Кажется, он поздно женился, лет в тридцать пять?

- Именно так. После смерти отца Жослен с матерью по-прежнему жили на улице Сен-Готар, над мастерскими. Мать постоянно болела. Он рассказывал мне, что только из-за нее не смог жениться раньше. С одной стороны, не хотел оставлять больную одну, с другой - не чувствовал себя вправе навязывать жене уход за матерью.

Он много работал, жил исключительно интересами своего дела.

- Ваше здоровье!

- Ваше!

Лапуэнт с покрасневшими от усталости глазами не пропускал ни одного слова из разговора.

- Он женился через год после смерти матери и обосновался на улице Нотр-Дам-де-Шан.

- Что из себя представляет его жена?

- Франсина де Лансье, дочь полковника в отставке. Кажется, они жили где-то поблизости, на улице Сен-Готар или Даро, там Жослен с ней познакомился. Ей было года двадцать два в то время.

- Они ладили между собой?

- Это была одна из самых дружных пар, которые мне довелось встречать. Очень скоро у них родилась дочь, Вероника, которую вы сегодня вечером видели.

Они надеялись еще иметь сына, но мадам Жослен перенесла весьма сложную операцию, и им пришлось отказаться от этой надежды.

Порядочные люди, как сказал сначала комиссар полиции, затем доктор. Люди с безупречным прошлым, жившие в обстановке довольства и покоя.

- На прошлой неделе они вернулись из Ля-Боля.

Они купили там виллу, когда Вероника была еще совсем маленькой, и неизменно ездили туда каждый год.

А с тех пор, как у Вероники родились дети, их тоже стали вывозить туда на лето.

- А зять?

- Доктор Фабр? Не думаю, чтобы он брал отпуск больше чем на неделю. Возможно, два или три раза за лето он приезжал к ним на уик-энд. Он полностью отдает себя медицине и больным. Знаете, это своего рода святой. Когда Фабр познакомился с Вероникой, он работал интерном в детской больнице и, если бы не женился, вероятно, продолжал бы там работать, не заботясь о том, чтобы завести частную практику.

- Вы думаете, это жена настояла, чтобы он открыл кабинет?

- Ответив утвердительно, я никоим образом не выдам профессиональную тайну. Да и сам Фабр этого не скрывает. Если бы он работал только в больнице, то не смог бы прилично содержать семью. Тесть настоял, чтобы он откупил кабинет и ссудил его на это деньгами. Вы видели этого человека. Он не заботится ни о своем внешнем виде, ни о самых минимальных удобствах. Чаще всего на нем мягкая одежда, и будь он предоставлен самому себе, то вряд ли бы помнил, что время от времени нужно менять белье.

- Он был в хороших отношениях с Жосленом?

- Они относились друг к другу с уважением. Жослен гордился зятем. К тому же оба увлекались шахматами.

- Жослен действительно был болен?

- Это я потребовал, чтобы он ограничил свою деятельность. Он всегда был тучным, я даже помню период, когда он весил сто десять килограммов. Но это не мешало ему работать по двенадцать - тринадцать часов в сутки, а сердце уже не справлялось с такой нагрузкой. Два года назад он перенес сердечный приступ, правда, не очень сильный, но все же это был, как говорится, первый звонок. Я посоветовал ему взять помощника, а самому только контролировать работу фабрики лишь для того, чтобы чем-то себя занять. К моему величайшему удивлению, он предпочел вообще оставить дело, объяснив мне, что не умеет работать вполсилы.

- Он продал дело?

- Да, двум своим служащим. Поскольку у тех не хватило нужной суммы, он еще на какое-то время, не знаю точно на какой срок, сохранил свою долю.

- А чем он занимался последние два года?

- По утрам гулял в Люксембургском саду, я там часто его встречал. Ходил он медленно, осторожно, как большинство сердечных больных, так как из мнительности считал, что болен опаснее, чем на самом деле.

Много читал. Вы видели, какая у него библиотека? Он, у которого никогда нее было времени читать, на склоне лет открыл для себя литературу и говорил о книгах с энтузиазмом.

- А жена?

- Несмотря сначала на постоянную прислугу, а потом на приходящую уборщицу, она много времени уделяла хозяйству. Кроме того, почти ежедневно ездила на бульвар Брюн повидать внучат, старшего отвозила в своей машине в парк Монсури.

- Должно быть, вы удивились, узнав о случившемся?

- Я до сих пор не могу в это поверить. Мне случалось наблюдать разные драмы в семьях моих пациентов, правда немного. Всякий раз это можно было заранее предположить. Вы понимаете, что я имею в виду?

В каждом отдельном случае, даже в самой благополучной семье существовала какая-то трещина, что-то дающее повод для беспокойства. На этот раз я просто теряюсь в догадках...

Мегрэ сделал знак официанту наполнить рюмки.

- Меня беспокоит реакция мадам Жослен, - продолжал доктор в своей обычной доверительной манере. - Скорее это можно назвать отсутствием реакции, полной безучастностью к происходящему. За всю ночь я не смог от нее добиться ни единой фразы. Она смотрела на дочь, на зятя, на меня, словно нас не видела. Она не проронила ни слезинки. Из ее комнаты слышно, что происходит в гостиной, и не нужно иметь богатое воображение, чтобы понять, что там сначала фотографируют, потом уносят тело. Я полагал, что хоть тут она как-тоотреагирует, попытается броситься в гостиную. Она была в полном сознании, однако даже не пошевелилась, даже не вздрогнула. Большую часть жизни провести с мужем и вдруг, вернувшись из театра, узнать, что ты осталась одна... Не представляю, как она будет жить дальше...

- Может быть, дочь возьмет ее к себе?

- Это невозможно. Фабры живут в новом доме, и у них достаточно тесно. Разумеется, мадам Жослен любит дочь, обожает внуков, но не думаю, чтобы она смогла жить с ними постоянно. Впрочем, мне уже пора уходить. Завтра утром меня будут ждать больные... Нет, нет... Позвольте мне...

Он достал из кармана бумажник, но комиссар опередил его.

Из соседнего кафе выходила группа людей, музыканты, танцовщицы, которые ждали друг друга или, попрощавшись, уходили, и было слышно, как стучат по асфальту высокие каблуки.

Лапуэнт сел за руль рядом с Мегрэ. Лицо комиссара оставалось невозмутимым.

- К вам домой?

- Да.

Какое-то время они ехали молча. Машина мчалась по пустым улицам.

- Нужно, чтобы завтра утром, пораньше, кто-нибудь из вас отправился на улицу Нотр-Дам-де-Шан расспросить соседей по дому, когда они встанут. Возможно, кто-нибудь слышал выстрел, но не придал значения, решив, кто лопнула шина. Мне хотелось бы еще узнать, кто входил и выходил из дома начиная с половины десятого.

- Этим я займусь сам, патрон.

- Нет. Ты поручишь это кому-нибудь из инспекторов, а сам пойдешь спать. Если Торранс будет свободен, пошли его на улицу Жюли, пусть разыщет все три дома, куда заходил, как утверждает, доктор Фабр.

- Ясно.

- Стоит также для очистки совести уточнить время, когда он появился в больнице.

- Это все?

- Да... И да и нет... Мне все время кажется, что я о чем-то забываю, про крайней мере вот уже четверть часа я пытаюсь понять, что именно... Я вспоминал об этом несколько раз за вечер. В какой-то момент я даже как будто вспомнил окончательно, но тут ко мне обратился, кажется, Сент-Юбер... Я ему ответил и сразу же сбился с мысли.

Они приехали на бульвар Ришар-Ленуар. В комнате было темно, а окно открыто, как в гостиной у Жосленов после отъезда помощника прокурора.

- Спокойной ночи, Лапуэнт.

- Спокойной ночи, патрон.

- Раньше десяти я не приеду.

Он тяжело поднялся по лестнице, занятый своими мыслями, и увидел, что у открытой двери его поджидает мадам Мегрэ в халате.

- Очень устал?

- Нет... Не очень...

Он действительно не устал. Скорее был расстроен, недоволен, озабочен, словно драма на улице Нотр-Дам-де-Шан касалась его самого. Доктор с кукольным личиком сказал верно: "Жослены не те люди, с которыми может произойти драма".

Он вспомнил реакцию разных людей: Вероники, ее мужа, мадам Жослен, которую еще не видел и даже не попросил разрешения обратиться к ней.

Все причастные к этому делу ощущали какую-то неловкость. Например, Мегрэ было неловко оттого, что он велел проверить показания доктора Фабра, словно тот был подозреваемый.

Однако, если придерживаться только фактов, то именно его можно было подозревать. И помощник прокурора, и следователь Госсар, конечно, тоже так думали, и если ничего не сказали вслух, то только потому, что это дело вызывало у них, как и у Мегрэ, чувство неловкости.

Однако кто мог знать, что обе женщины, мать и дочь, собираются идти этот вечер в театр? Конечно, совсем не многие, но ведь до сих пор еще не упомянуто ни одного имени.

Фабр приехал на улицу Нотр-Дам-де-Шан около половины десятого, и они с тестем начали партию в шахматы.

Затем ему позвонили из дому и передали, что доктору нужно ехать к больному на улицу Жюли. В этом не было ничего исключительного. Вероятно, его, как и других врачей, часто вызывали подобным образом.

И все-таки, по странному совпадению, именно в этот вечер прислуга плохо расслышала фамилию больного и направила врача по адресу, откуда его никто не вызывал.

Вместо того чтобы вернуться на улицу Нотр-Дам-де-Шан, закончить партию и дожидаться жену, Фабр отправился в больницу. Но и в этом, судя по его характеру, не было ничего необычного.

За это время только один жилец вошел в дом и, проходя мимо привратничкой, назвал свою фамилию. Консьержка проснулась чуть позже и утверждает, что больше никто не входил и не выходил.

- Ты не спишь?

- Нет еще...

- Тебе непременно нужно встать в девять?

- Да...

Мегрэ долго не мог заснуть. Он мысленно представлял себе худую фигуру педиатра в мятой одежде, его слишком блестящие глаза, как у человека, который систематически не высыпается.

Чувствовал ли он, что его подозревают? Пришло ли это в голову его жене или теще?

Обнаружив Жослена убитым, они, вместо того чтобы вызвать полицию, стали звонить на бульвар Брюн, на квартиру к Фабрам. Они ничего не знали про вызов на улицу Жюли и не понимали, почему Фабра не оказалось на месте.

Они не подумали, что могут найти его в больнице, и обратились к домашнему врачу, доктору Ларю.

О чем говорили женщины, пока были вдвоем в квартире рядом с трупом? А может быть, мадам Жослен уже впала в состояние прострации? И возможно, самой Веронике пришлось принимать решение, пока мать лежала в беспомощности.

Приехал Ларю и сразу же понял, что они допустили ошибку или неосторожность, не заявив в полицию. Он и сообщил в комиссариат.

Мегрэ хотелось все это себе представить или почувствовать самому. Нужно было по крупицам восстановить по порядку события этой ночи.

Кто подумал о больнице и стал туда звонить? Ларю?

Вероника?

Кто удостоверился, что в квартире ничего не украдено и что убийство совершено не с целью ограбления?

Мадам Жослен отвели в спальню, Ларю оставался с ней, а потом, с разрешения Мегрэ, сделал ей укол, чтобы она заснула.

Появился Фабр, обнаружил в квартире полицию, а тестя - убитым в кресле. "Однако же, - подумал Мегрэ, засыпая, - не он, а его жена сообщила мне о пистолете". Если бы Вероника сознательно не открыла ящик, зная, что там искать, никто, наверное, не заподозрил бы существования оружия.

Впрочем, это не исключало возможность, что преступление совершено посторонним.

Фабр утверждал, что слышал, как тестя, проводив его в четверть одиннадцатого, закрыл за ним дверь на цепочку.

Выходит, сам Жослен открыл дверь убийце. Он не испугался, поскольку вернулся в комнату и снова сел в кресло.

Если, по всей вероятности, в это время было открыто окно, то кто-то, либо Жослен, либо вошедший, его закрыл.

А если лежавший в ящике браунинг действительно послужил орудием преступления, значит, убийца точно знал, где он лежит, и мог владеть им, не вызывая подозрения.

Если предположить, что убийца тайком проник в дом, то как он оттуда вышел?

В конце концов Мегрэ заснул беспокойным сном, тяжело ворочаясь с боку на бок, и с облегчением почувствовал запах кофе, услышал голос мадам Мегрэ, увидел через открытое окно залитые солнцем ниши соседних домов.

- Уже девять часов.

Он тут же вспомнил дело во всех подробностях, как будто ни на минуту не отвлекался.

- Дай мне телефонный справочник.

Он отыскал номер телефона Жослена, набрал его и долго ждал ответа, пока не услышал незнакомый голос.

- Это квартира месье Рене Жослена?

- Он умер.

- Кто у телефона?
- Мадам Маню, уборщица.
- Мадам Фабр еще здесь?
- А кто это говорит?
- Комиссар Мегрэ из уголовной полиции. Я был у них ночью.
- Мадам только что уехала к себе переодеться.
- А мадам Жослен?
- Все еще спит. Ей дали снотворное, и она, наверное, не проснется до возвращения дочери.
- Никто не приходил?
- Никто. Я тут навожу порядок... Я и не подозревала, когда пришла утром...
- Благодарю вас...

Мадам Мегрэ не задавала ему вопросов, а он только сказал:

- Порядочный человек, которого непонятно почему убили.

Мегрэ снова представил себе Жослена в кресле. Он старался вообразить его живым, а не мертвым. Действительно ли он еще некоторое время продолжал сидеть в одиночестве над шахматной доской, поочередно передвигая то белые, то черные фигуры?

Может быть, он кого-нибудь ждал? Но как он мог назначить кому-то встречу, зная, что зять проведет у него весь вечер? Или тогда...

Если предложить, что телефонный звонок, вызвавший доктора Фабра на улицу Жюли....

- Именно порядочные люди доставляют нам больше всего хлопот, - проворчал он, заканчивая завтрак и направляясь в ванную.

Мегрэ не сразу поехал на набережную Орфевр, а позвонил по телефону, чтобы узнать, не нужен ли он там.

- Улица Сен-Готар, - сказал он шоферу такси.

Прежде всего начинать надо было с окружения Жослена. Конечно, Жослен был жертвой, но не станут же убивать человека просто без всякой причины.

По-прежнему чувствовалось, что в Париже время отпусков. Правда, город уже не казался таким опустевшим, как в августе, но в воздухе была еще разлита какая-то истома, чувствовалось, что необходимо совершить какое-то усилие, чтобы вернуться к будничной жизни. Если бы пошел дождь или похолодало, этот переход был бы не так заметен. В этот год лето как будто и не собиралось уходить.

Шофер повернул с улицы Даро и выехал к железнодорожной насыпи.

- Какой вам номер?
- Не знаю. Картонажная фабрика...

Снова поворот, и они очутились перед большим бетонным зданием с окнами без штор. Вдоль всего фасада тянулась вывеска:

"ФАБРИКА, ОСНОВАННАЯ ЖОСЛЕНОМ.

ПРЕЕМНИКИ - ЖУАН И ГУЛЕ"..

- Вас подождать?
- Да.

В здание вели две двери. Ближняя - в цеха, а другая, куда и вошел Мегрэ, - в контору, выглядевшую весьма современно.

- Вы к кому?

Девушка высунула голову из окошка и с любопытством на него посмотрела. И правда, вид у Мегрэ был хмурый, как и всегда в начале расследования. Он неторопливо огляделся, словно хотел произвести инвентаризацию.

- Кто управляющий?

- Месье Жуан и месье Гуле... - ответила девушка таким тоном, как будто это само собой подразумевалось.

- Знаю. А кто из них главный?

- Смотря в чем. Месье Жуан занимается художественной стороной дела, а месье Гуле производством и коммерческими делами.

- Они оба на месте?

- Нет. Месье Гуле еще в отпуске. А что вам угодно?

- Видеть месье Жуана.

- Простите, как ваше имя?

- Комиссар Мегрэ.

- У вас назначена встреча?

- Нет.

- Минутку.

Она подошла к застекленной комнатке и что-то сказала девушке в белом халате, которая тоже с любопытством оглядела посетителя и тут же вышла из комнаты.

- Сейчас его поищут. Он в цехе.

До Мегрэ донесся шум машин, и, когда открылась боковая дверь, он разглядел просторное помещение, где стояли, выстроившись рядами, женщины в белых халатах, словно работали на конвейере.

- Вы меня ждете? - обратился к Мегрэ высокий мужчина лет сорока пяти, с открытым лицом, в расстегнутом белом халате, надетом на костюм элегантного покроя. - Будьте любезны, пройдите со мной.

Они поднялись по лестнице из светлого дуба, там за стеклянной перегородкой склонились над работой пять или шесть художников.

Еще одна дверь, и они попали в залитый солнцем кабинет. В углу печатала на машинке секретарша.

- Оставьте нас, мадам Бланш.

Он указал Мегрэ на стул, а сам сел за свой письменный стол. Казалось, он был удивлен, немного встревожен.

- Интересно узнать... - начал он.

- Вам известно о смерти месье Жослена?

- Что вы говорите? Месье Жослен умер? Когда это случилось? Разве он вернулся в Париж после отдыха?

- Значит, вы его не видели после приезда из Ля-Боля?

- Нет. Он к нам еще не заходил. А что, у него был сердечный приступ?

- Его убили.

- Месье Жослен убит? - Чувствовалось, что Жуан не может в это поверить. - Это невозможно. Но кто мог...

- Он был убит вчера вечером, у себя дома, двумя выстрелами из пистолета.

- Но кто его убил?

- Именно это я и стараюсь узнать, месье Жуан.

- А жена была дома?

- Нет, они с дочерью ушли в театр.

Жуан опустил голову. Было заметно, что он потрясен.

- Бедняга... Это кажется таким невероятным... - И с возмущением продолжал:

- Но кому это могло понадобиться?.. Послушайте, господин комиссар... Вы его не знали... Это был лучший человек на свете... Для меня он был как отец, даже больше чем отец... Когда я поступил сюда на работу, мне было шестнадцать лет и я ничего не умел... Отец недавно умер, мать работала уборщицей... Я начинал как рассыльный, развозил продукцию на велосипеде... Это месье Жослен меня всему обучил... Потом назначил меня управляющим делами... А когда сам решил уйти от дел, позвал нас с Гуле в свой кабинет... Гуле начинал рабочим на станке... Месье Жослен сообщил нам, что врач советует ему меньше работать, но он так не умеет. Приходить сюда на два-три часа в день, сторонним наблюдателем, невозможно для человека, привыкшего самому заниматься всеми делами и каждый вечер еще подолгу задерживаться в кабинете после работы.

- Вы испугались, что вашим патроном станет кто-то посторонний?

- Признаться, да. Для меня и Гуле это была настоящая катастрофа. Мы смотрели друг на друга, ошеломленные, а месье Жослен лукаво улыбался.

- Мне сегодня ночью об этом рассказывали.

- Кто?

- Его домашний врач.

- Конечно, у нас с Гуле были кое-какие сбережения, но не такая значительная сумма, чтобы откупить фабрику... Месье Жослен пригласил своего нотариуса, и они нашли способ уступить нам дело, предоставив большую рассрочку платежей. Само собой разумеется, мы пока выплатили лишь часть всей суммы... Осталось еще лет на двадцать...

- Однако он время от времени заходил сюда?

- Да, но держался очень скромно, словно боялся нас смутить. Удостоверившись, что все в порядке, что мы довольны, он уходил, а когда нам случалось просить у него совета, он помогал нам, давая понять, что не имеет здесь никаких прав...

- Вы не знали, были ли у него враги?

- Ни одного. У такого человека не может быть врагов. Его все любили. Зайдите в кабинеты, в цех, спросите кого угодно.

- Вы женаты, месье Жуан?

- Да, у меня трое детей. Мы живем недалеко от Версаля. Я построил там небольшой домик...

И этот оказался порядочным человеком. Неужели при расследовании этого дела Мегрэ будут попадаться только порядочные люди? Это уже начинало его раздражать. Ведь, в конце концов, был убитый и был убийца, дважды выстреливший в Рене Жослена.

- Вы часто бывали на улице Нотр-Дам-де-Шан?

- Всего четыре или пять раз. Нет, постойте. Пять лет назад, когда месье Жослен болел гриппом, я заходил к нему каждое утро за инструкциями и приносил почту.

- Случалось вам обедать или ужинать у них?

- Месье Жослен пригласил нас с женами к себе на ужин в день подписания договора, когда он передал нам дело.

- А что за человек Гуле?

- Инженер, трудяга.

- Сколько ему лет?

- Мой ровесник. Мы поступили к месье Жослену с интервалом в один год.
- Где он сейчас?
- На острове Ре с женой и детьми.
- Сколько у него детей?
- Трое, как и у меня.
- Какого вы мнения о мадам Жослен?
- Я ее мало знаю, но, по-моему, она не очень приятная женщина, они с мужем очень разные.
- А дочь?
- Что вы имеете в виду?
- Она более гордая, чем он.
- Она иногда заходила к отцу на работу, но мы с ней почти не общались.
- Полагаю, что смерть месье Жослена ничего не изменит в ваших финансовых делах?
- Я об этом еще не думал... Минутку... Нет... Ничего не должно измениться. Вместо того чтобы выплачивать установленную сумму ему, мы будем перечислять ее наследникам... Вероятно, мадам Жослен...
- Сумма значительная?
- Это зависит от того, насколько удачным будет год.
Ведь соглашение включает в себя и участие в прибылях...
Во всяком случае, на эти деньги можно жить безбедно.
- А вы считаете, что Жослены жили на широкую ногу?
- Они жили хорошо. Прекрасная квартира, машина, вилла в Ля-Боле.
- Но могли бы жить с большей роскошью?
- Жуан подумал:
- Да... Вероятно...
- Жослен был скупым?
- Если бы он был скупым, то не предложил бы мне и Гуле таких выгодных условий... Нет... Видите ли, мне кажется, что он жил так, как ему хотелось... Он не любил роскошь... Предпочитал спокойную жизнь...
- А мадам Жослен?
- Мадам любила заниматься своим домом, дочерью, а теперь внуками...
- Как Жослены отнеслись к замужеству дочери?
- На это мне трудно ответить... Ведь это происходило не здесь, а на улице Нотр-Дам-де-Шан... Конечно, месье Жослен обожал Веронику, и ему трудно было с ней расстаться... У меня тоже дочь... Ей двенадцать лет... И признаться, я уже сейчас с ужасом думаю, что когда-нибудь ее отнимет какой-то чужой человек и она не будет больше носить мою фамилию... Полагаю, это свойственно всем отцам.
- А то, что его зять не имел состояния?
- Скорее он считал это достоинством.
- А мадам Жослен?
- Вот в этом я не уверен... Одна мысль, что ее дочь выходит замуж за сына почтальона...
- Отец Фабра - почтальон?
- Да, в Мелене или какой-то окрестной деревне...

Я говорю вам то, что знаю... Кажется, когда он учился, то жил только на стипендию... Говорят также, что если б он захотел, то мог бы стать одним из самых молодых профессоров медицинского факультета...

- Еще один вопрос, месье Жуан. Боюсь, что после всего того, что вы рассказали, это может вас покоробить. Вы не знаете, была ли у месье Жослена любовница или любовницы? Интересовался ли он женщинами?

Жуан уже собирался ответить, но Мегрэ его перебил:

- Полагаю, что за годы семейной жизни вам приходилось иметь дело с женщинами?

- Признаться, приходилось. Однако я избегал длительных связей. Вы понимаете, что я имею в виду? Я не хотел рисковать семейным счастьем.

- Ведь у вас работает много молодых женщин...

- О нет... Никогда... Это уже вопрос принципа...

Кроме того, это было бы рискованно...

- Благодарю вас за откровенность. Вы считаете себя нормальным мужчиной. Рене Жослен был таким же. Он поздно женился, в тридцать пять лет...

- Я понимаю, что вы хотите сказать... и пытаюсь представить себе месье Жослена в подобной ситуации.

Но не могу... Не знаю почему... Я понимаю, что он был таким же, как все... И все же...

- На ваших глазах у него не было ни одной любовной истории?

- Ни одной. Никогда не видел, чтобы он по-особому поглядывал на какую-нибудь из работниц. А ведь среди них есть и очень красивые... Должно быть, многие из них заигрывали с ним, как и со мной... Нет, господин комиссар, не думаю, что вы что-то найдете с этой стороны. - И вдруг спросил:

- А почему об этом ничего нет в газетах?

Будет сегодня днем. - Мегрэ, поднимаясь, вздохнул:

- Благодарю вас, месье Жуан... Если вам что-нибудь придет в голову, даже какая-нибудь мелкая деталь, которая может мне помочь, пожалуйста, позвоните.

- Я не могу найти никакого объяснения этому преступлению...

Мегрэ чуть было не проворчал: "Я тоже".

Однако он знал, что необъяснимых преступлений не бывает. Просто так, без всяких причин не убивают.

И у него само собой вырвалось:

- Кого попало не убивают.

Комиссар уже по опыту знал, что существуют люди, которым судьба уготовила роль жертвы.

- А когда состоятся похороны?

- Тело отдадут семье после вскрытия.

- А вскрытия еще не было?

- Должно быть, идет сейчас.

- Я немедленно позвоню Гуле. Ведь он собирался вернуться только на будущей неделе.

Мегрэ слегка кивнул девушке, сидевшей в застекленной комнатухе, и не мог понять, почему это она, глядя на него, удерживается, чтобы не расхохотаться.

Улица оказалась тихой, провинциальной. Одна сторона была залита солнцем, другая оставалась в тени.

Посреди мостовой обнюхивали друг друга две собаки.

В открытых окнах мелькали женщины, занимавшиеся уборкой. Три монашки из монастыря Сестер милосердия в широких юбках и чепцах, концы которых трепетали на ветру, как крылья у птицы, направлялись к Люксембургскому саду, и Мегрэ машинально взглянул на них. Потом вдруг нахмурил брови, увидев перед домом Жосленов полицейского, на которого наседали с полдюжины репортеров и фотографов.

Он к этому привык. Этого следовало ожидать. Ведь он только что сказал Жуану, что дневные газеты наверняка сообщат об убийстве. Рене Жослена убили, а убитые сразу же становятся достоянием гласности. Через несколько часов после преступления частная жизнь семьи выставляется напоказ во всех деталях, подлинных или вымышленных, и каждый может строить на этот счет свои предположения.

Но почему его это вдруг возмутило? Он даже рассердился на себя. У него создалось впечатление, что он поддался этой почти хрестоматийной атмосфере благополучия, которая окружила этих людей, порядочных людей, как все без конца их называли.

Фотографы налетели на него, когда он выходил из такси. Репортеры окружили, когда он платил шоферу.

- Ваше мнение, комиссар?

Он жестом отстранил их, пробормотав:

- Когда у меня будет какая-то информация, я вам сообщу. Там, наверху, находятся две убитые горем женщины и было бы гуманнее оставить их в покое.

Но сам-то он не собирался оставлять их в покое. Он поздоровался с полицейским и вошел в дом, который впервые видел при дневном свете, и теперь он показался Мегрэ очень светлым и приветливым.

Он прошел мимо привратницы с застекленной дверью, завешенной тюлевой занавеской, но, спохватившись, постучал по стеклу и нажал на кнопку звонка.

Как и во всех богатых домах, привратничка походила на маленькую гостиную с начищенной до блеска мебелью. Раздался голос:

- Кто там?

- Комиссар Мегрэ.

- Входите, господин комиссар.

Голос раздавался из побеленной известью кухни, где консьержка, в белом переднике, надетом на черное платье, засучив рукава, стерилизовала рожки.

Она была молодая, привлекательная, но фигура оставалась еще слегка расплывшейся после недавних родов. Указав на дверь, она произнесла вполголоса:

- Говорите потише, мой муж спит.

Мегрэ вспомнил, что ее муж, полицейский, дежурил прошлой ночью.

- С самого утра меня донимают журналисты, и многие, пользуясь тем, что я отхожу от двери, прорываются наверх. В конце концов муж позвонил в комиссариат и сюда прислали полицейского.

Ребенок спал в плетеной колыбельке, украшенной занавеской с желтыми оборками.

- Есть что-нибудь новое? - спросила она.

Мегрэ отрицательно покачал головой.

- Надеюсь, вы можете подтвердить то, что нам сообщили, не так ли? - спросил комиссар, также понизив голос. - Никто не выходил из дома вчера вечером после доктора Фабра?

- Никто, господин комиссар. Я только что говорила это одному из ваших людей, такому толстому, с красным лицом, кажется, инспектору Торрансу. Он больше часа ходил по дому, расспрашивал жильцов. Но сейчас их еще не много, половины нет... Некоторые не возвратились из отпуска. Тюплеры в Соединенных Штатах.

- Давно вы здесь работаете?

- Шесть лет. Я заняла место одной из моих теток, а она проработала в этом доме сорок лет.

- У Жосленов часто бывали гости?

- По правде говоря, нет. Они люди спокойные, обходительные, вели размеренную жизнь. Время от времени к ним приходили на обед доктор Ларю с женой.

И Жослены тоже иногда обедали у них.

Так же, как чета Мегрэ и Пардонов. Комиссар подумал даже, что, наверное, Жослены и Ларю тоже обедали по определенным дням.

- Утром, пока мадам Маню занималась хозяйством, месье Жослен около девяти часов выходил на прогулку. Каждый раз - минута в минуту. По нему можно было проверять часы. Он заходил ко мне, говорил несколько слов, обычно о погоде, брал свою почту и, взглянув на конверты, клал их в карман, потом медленно направлялся к Люксембургскому саду. Он всегда шел спокойным, размеренным шагом.

- Он получал большую почту?

- Пожалуй, нет. Позже, около десяти, пока месье Жослен еще был на прогулке, спускалась его жена, как всегда одетая с иголки, даже если шла за покупками.

Я ни разу не видела ее без шляпы.

- В котором часу возвращался муж?

- В зависимости от погоды. Если погода была хорошая, он гулял до половины двенадцатого, а то и до двенадцати. Ну а если шел дождь, то приходил раньше, но все равно гулял обязательно.

- А днем?

Она закупорила рожки и поставила их в холодильник.

- Случалось, что днем они выходили вместе, но не больше одного-двух раз в неделю. Мадам Фабр их часто навещала. До рождения второго ребенка она иногда приводила с собой старшего.

- У них с матерью хорошие отношения?

- Мне кажется, хорошие. Они вместе ходили в театр, как вчера.

- В последнее время вы не замечали среди почты месье Жослена конвертов с незнакомым для вас почерком?

- Нет.

- Никто, например, не спрашивал у вас, дома ли месье Жослен, когда он был один в квартире?

- Нет. Я думала об этом ночью, предполагая, что вы зададите мне подобные вопросы. Видите ли, господин комиссар, Жослены - это такие люди, о которых много не расскажешь.

- Они общаются с другими жильцами?

- Я не замечала. В Париже только в густонаселенных кварталах жильцы общаются между собой, а здесь каждый живет своей жизнью, даже не зная, кто его сосед по площадке.

- Мадам Фабр уже вернулась?

- Да, несколько минут назад.

- Благодарю вас.

Лифт остановился на площадке четвертого этажа, куда выходили двери, и перед каждой лежал широкий коврик с красной каймой. Комиссар позвонил в левую дверь и услышал тихие шаги. После некоторого колебания дверь немного приоткрылась и обозначилась узкая полоска света, поскольку цепочку не сняли.

- Кто там? - спросил нелюбезный голос.

- Комиссар Мегрэ.

Женщина лет пятидесяти, с грубоватыми чертами лица принялась недоверчиво разглядывать посетителя.

- Ну ладно! Я вам верю! Ведь сегодня здесь было столько журналистов...

Цепочку сняли, и Мегрэ попал в квартиру, где все уже обрело привычный вид - каждый предмет стоял на своем месте. В окна гостиной ярко светило солнце.

- Если вы хотите видеть мадам Жослен...

Здесь уже не осталось ни малейшего следа от ночного беспорядка. Тут же открылась дверь, и в комнату вошла Вероника в голубом костюме.

Выглядела она усталой, и Мегрэ уловил в ее взгляде какую-то нерешительность. Когда ее взгляд задерживался на каком-нибудь предмете или на лице посетителя, сразу было видно, что она ищет поддержки или ответа на свои вопросы.

- Вы ничего не нашли? - спросила она без надежды в голосе.

- Как себя чувствует мадам Жослен?

- Я только что вернулась. Ходила проведать детей и переодеться. Думаю, вам сказали об этом по телефону. Я не знаю. Я больше уже ничего не знаю. Мама спала, а когда проснулась, она по-прежнему молчала.

Выпила чашечку кофе, а от еды отказалась. Я хотела, чтобы она еще полежала, но не смогла убедить, и она сейчас одевается.

Вероника снова оглядела комнату, стараясь не смотреть на кресло, в котором умер ее отец. С круглого столика уже убрали шахматы. Исчезла полубогоревшая сигара, которую Мегрэ заметил на пепельнице ночью.

- Мадам Жослен не произнесла ни слова?

- Она отвечала только "да" или "нет". Она в здравом уме, но кажется, что ее мучает какая-то мысль. Вы пришли поговорить с ней?

- Да, если это возможно...

- Она будет готова через несколько минут. Прошу вас, отнесите к ней помягче. Все считают ее очень сдержанной, потому что она умеет владеть собой. Но я-то знаю, что у нее плохо с нервами. Просто она умеет это скрывать.

- А вы часто видели ее сильно взволнованной?

- Это зависит от того, что вы понимаете под словом "сильно". Например, когда я была ребенком, мне случалось, как и всем детям, выводить ее из себя. Вместо того чтобы дать мне пощечину или взорваться, она бледнела, и можно было подумать, что ей не произнести ни слова. В таких случаях она почти всегда запиралась в своей комнате, и это меня очень пугало...

- А отец?

- Отец никогда не сердился. Вместо этого он начинал улыбаться, словно подшучивал надо мной...

- Ваш муж сейчас в больнице?

- Да, с семи утра. Я оставила детей с няней, не решаясь привести их сюда. Не знаю даже, что мы будем делать. Я не хочу оставлять маму одну в квартире. А у нас тесно. Впрочем, она и сама не захочет жить у нас...

- А прислуга, мадам Маню, не может с ней ночевать?

- Нет, у нее сын двадцати четырех лет, который капризней, чем самый требовательный муж. Он всегда недоволен, если она опаздывает... Нам нужно кого-нибудь найти, может быть, сиделку. Конечно, мама будет протестовать... Разумеется, я останусь здесь, сколько смогу...

У Вероники были правильные черты лица, золотистые волосы, но ее нельзя было назвать красивой, не хватало живости.

- Мне кажется, я слышу мамины шаги...

Дверь открылась, и Мегрэ с удивлением увидел совсем молодую с виду женщину. Он знал, что мадам Жослен намного моложе мужа, но в его представлении она все же была бабушкой.

В черном, очень скромном платье, она казалась стройнее, чем дочь. Это была брюнетка с блестящими темными глазами. Несмотря на свое горе, она была тщательно подкрашена и безукоризненно одета.

- Комиссар Мегрэ, - представился он.

Она опустила ресницы, посмотрела вокруг и наконец взглянула на дочь, которая тут же пробормотала:

- Наверное, мне лучше оставить вас вдвоем?

Мегрэ не возражал. Мать ее не задерживала, и Вероника неслышно вышла. Все шаги в этой квартире приглушались специальным покрытием и лежащими кое-где старинными коврами.

- Садитесь, - сказала вдова Рене Жослена, продолжая стоять у кресла мужа.

Поколебавшись, Мегрэ наконец сел, а его собеседница опустилась в кресло рядом с рабочим столиком. Она держалась очень прямо, не облачиваясь на спинку, как все воспитанницы монастырей. Ее губы, без сомнения, от возраста стали тонкими, а руки, несмотря на худобу, были еще красивы.

- Прошу прощения за то, что пришел сюда, мадам Жослен, и, честно говоря, даже не знаю, какие вопросы вам задавать. Я прекрасно понимаю ваше смятение, ваше горе.

Она пристально смотрела на него, не отводя взгляда, и он подумал, слушает ли она то, что он говорит, или продолжает следить за собственными мыслями.

- Ваш муж стал жертвой преступления, которое кажется необъяснимым, и я должен учитывать все, даже малейшие детали, которые могут навести меня на след.

Она слегка кивнула, словно в знак одобрения.

- Вчера вы были с дочерью в театре Мадлен. Вероятно, убийца знал, что застанет вашего мужа одного.

Когда вы решили пойти на этот спектакль?

Она ответила еле слышно:

- Три или четыре дня назад. Кажется, в субботу или в воскресенье...

- Кому это пришло в голову?

Мне. Меня очень интересовала пьеса, о ней столько писали в газетах...

Зная, что под утро она еще не пришла в себя, комиссар был удивлен ее спокойствием и собранностью.

- Мы договорились с дочерью, и она позвонила мужу узнать, пойдет ли он с нами.

- Вам случалось ходить в театр втроем?

- Редко. Мой зять интересуется только медициной и своими больными.

- А ваш муж?

- Мы иногда ходили с ним вдвоем в кино или в мюзик-холл. Он очень любил мюзик-холл.

Голос у нее был ровный, невыразительный. Отвечая, она все время глядела на Мегрэ, словно на экзаменатора.

- Вы заказали билеты по телефону?

- Да. Кресла номер девяносто семь и девяносто восемь. Я хорошо помню, так как всегда прощу места у центрального прохода.

- Кто знал, что в этот вечер вас не будет дома?

- Муж, зять и наша уборщица.

- Больше никто?

- Еще мой парикмахер, я ходила к нему днем.

- Ваш муж курил?

В голову Мегрэ приходили все новые и новые мысли, он только что вспомнил о сигаре в пепельнице.

- Мало. Одну сигару после еды. Иногда еще выкуривал одну во время утренней прогулки.

- Извините меня за такой нелепый вопрос: вы не знали, у вашего мужа были враги?

Она не стала энергично возражать, а просто сказала:

- Нет.

- У вас никогда не создавалось впечатления, что он от вас что-то скрывает, что держит в тайне какую-то сторону своей жизни?

- Нет.

- Что вы подумали, возвратившись вчера вечером, когда обнаружили, что он мертв?

- Что он умер.

Лицо ее стало еще жестче, словно превратилось в маску, и Мегрэ на минуту показалось, что ее глаза наполнились слезами.

- Вам не пришло в голову, кто мог его убить?

Он уловил едва заметное колебание.

- Нет.

- Почему вы сразу же не позвонили в полицию?

Она помолчала и на мгновение отвела взгляд от комиссара:

- Не знаю.

- Вы сначала позвонили зятю?

- Я никому не звонила. Это Вероника позвонила к себе домой, волнуясь, что не застала мужа здесь.

- Она не удивилась, когда его не оказалось и дома?

- Не знаю.

- Кто подумал о докторе Ларю?

- Кажется, я. Нам был необходим человек, который бы всем этим занялся.

- Вы никого не подозреваете, мадам Жослен?

- Никого.

- Почему вы встали сегодня утром?

- У меня нет причин оставаться в постели.

- Вы уверены, что в доме ничего не пропало?

- Дочь проверяла. Она знает, где что лежит, не хуже меня. Кроме пистолета...

- Когда вы видели его в последний раз?

- Несколько дней назад. Не помню точно когда.

- Вы знали, что он заряжен?

- Да. У моего мужа всегда был дома заряженный пистолет. После свадьбы он держал его в ящике своего ночного столика. Потом, боясь, как бы его не взяла Вероника, а в спальне у нас ничего не запиралось, он переложил его в комод. Долгое время этот ящик был на замке, а теперь, когда Вероника подросла и вышла замуж...

- Вам не казалось, что ваш муж чего-то боялся?

- Нет.

- Он держал много денег?

- Очень мало. Мы почти всегда расплачивались чеками.

- Вам никогда не случалось, вернувшись домой, застать у мужа кого-нибудь незнакомого?

- Нет.

- И вы никогда не встречали вашего мужа с каким-нибудь неизвестным вам человеком?

- Нет, господин комиссар.

- Благодарю вас...

Ему было жарко. Он только что провел один из самых неприятных допросов в своей практике. Словно бросаешь мяч, а он не отскакивает обратно. Ему казалось, что его вопросы не попадали в цель, не затрагивали ничего относящегося к делу, а ответы, которые он получал, были формальными, невыразительными.

Она ответила на все вопросы Мегрэ, но от себя не добавила ни одной фразы.

Она не поднялась, чтобы проститься с комиссаром, а продолжала сидеть в своем кресле, и невозможно было что-то прочесть в ее глазах, хотя и очень живых.

- Простите меня за вторжение.

Она не возражала, ждала, пока он встанет, чтобы тоже подняться, потом пошла вслед за ним, пока он неуклюже направлялся к двери.

- Если вам что-то придет в голову, какая-нибудь мысль, какое-нибудь подозрение, если вы что-нибудь вспомните...

Она снова опустила ресницы.

- У вашей двери дежурит полицейский, и, надеюсь, журналисты не станут вам докучать.

- Мадам Маню сказала мне, что они уже приходили...

- Давно вы ее знаете?

- Примерно с полгода.

- У нее есть ключ от вашей квартиры?

- Да. Я заказала ей дополнительно.

- А кто еще, кроме нее, имел ключ?

- Мой муж и я. Еще наша дочь. Он остался у нее с тех пор, как она еще жила здесь до замужества.

- Больше ни у кого?

- Да, еще есть один, пятый ключ, который я называю запасным и держу на своем туалетном столике.

- Он лежит там по-прежнему?

- Да, я его там недавно видела.

- Могу я задать еще один вопрос вашей дочери?

Она открыла дверь, на минуту скрылась и вернулась с Вероникой, которая по очереди их оглядела.

- Ваша мама сказала мне, что у вас остался ключ от этой квартиры. Я хотел бы удостовериться, что он находится у вас по-прежнему...

Она подошла к комоду, взяла голубую кожаную сумку, открыла ее и вынула маленький плоский ключ.

- Вы брали его с собой в театр?

- Нет. Я взяла театральную сумочку, намного меньше этой, в ней ничего не помещается.

- Выходит, ключ оставался в вашей квартире на бульваре Брюн?

Это было все. Он не знал, какие еще вопросы было бы уместно задать. Впрочем, он уже и не мог больше оставаться здесь.

- Благодарю вас.

Он спустился пешком, чтобы размять ноги, и, пройдя один марш, облегченно вздохнул. На тротуаре взад и вперед ходил полицейский, а журналисты устроились напротив, в кафе, и, увидев комиссара, сразу же бросились к нему:

- Вы допросили обеих женщин?

Он оглядел их так, как смотрела вдова Рене Жослена, словно через стекло, не видя их лиц.

- Это правда, что мадам Жослен отказывается отвечать?

- Право, господи, мне нечего вам сказать.

- Когда же вы надеетесь...

Он махнул рукой и направился к бульвару Распай в поисках такси. Журналисты не пошли за ним следом, а снова заняли свои позиции, а он этим воспользовался, чтобы зайти в кафе, где они были ночью.

В свой кабинет на набережной Орфевр он попал только около полудня, тут же приоткрыл дверь в кабинет инспекторов, где увидел Лапуэнта и Торранса.

- Зайдите ко мне оба.

Он тяжело уселся за свой стол и набил самую большую из трубок.

- Что ты сегодня делал? - спросил он сначала у юного Лапуэнта.

- Я пошел на улицу Жюли, чтобы проверить показания Фабра, и расспросил всех трех консьержек.

Все они подтверждают, что вчера вечером кто-то приходил и справлялся, нет ли в доме больного ребенка.

Одна из них отнеслась к этому человеку недоверчиво, решила, что он не похож на врача, он даже показался ей подозрительным. Она чуть было не предупредила полицию.

- В котором часу он приходил?

- Между половиной одиннадцатого и одиннадцатью.

- А что говорят в больнице?

- Там было потруднее. Я попал в самый неудачный момент, когда профессор и врачи совершают обход. Все сбились с ног. Я издали заметил доктора Фабра и уверен, что он меня тоже узнал.

- Он никак не отреагировал?

- Нет.

- Ему часто случается заходить по вечерам в больницу?

- Вероятно, это входит в обязанности всех врачей, если их срочно вызывают или когда они ведут серьезного больного. Я узнал, что чаще всех там бывает доктор Фабр. Мне удалось поговорить на ходу с двумя или тремя медсестрами. Их мнения о докторе Фабре совпали. К нему относятся в больнице почти как к святому.

- Он долго сидел у постели своего больного?

- Нет. Он заходил во многие палаты и разговаривал с дежурным врачом.

- Они там уже в курсе дела?

- Не думаю. На меня они поглядывали косо. Особенно одна, довольно молодая, скорее не медсестра, а ассистентка. Она сказала мне с раздражением: "Если вы собираетесь задавать нескромные вопросы, то лучше обратитесь непосредственно к доктору Фабру".

- Судебный врач не звонил?

Обычно после вскрытия сразу же звонили на набережную Орфевр, чтобы сообщить о результатах, а потом уже присылали официальный рапорт, на составление которого уходило некоторое время.

- Когда, по их мнению, произошло убийство?

- В него всадили две пули. Первая попала в аорту, и уже это было смертельно. Примерно от девяти до одиннадцати. Для большей точности доктор Ламаль хотел бы знать, в котором часу Жослен в последний раз принимал пищу.

- Позвони их служанке и узнай, а потом сообщи доктору.

Пока они говорили, толстый Торранс, стоя у окна, наблюдал, как по Сене проплывают пароходы.

- Что мне теперь делать? - спросил Лапуэнт.

- Сначала позвони по телефону. А что у вас, Торранс?

Он был с ним на "вы", хотя знал его гораздо больше, чем Лапуэнта. Правда, последний скорее походил на студента, чем на инспектора полиции.

- Итак, что там за жильцы?

- Я начертил для вас небольшой план дома. Так будет легче.

Он положил листок комиссару на стол, а сам встал за его спиной и время от времени указывал пальцем на какой-нибудь из квадратов.

- Сначала взгляните на первый этаж. Вы, наверное, знаете, что муж консьержки - полицейский и в ту ночь дежурил. Домой он вернулся в семь утра: к сожалению, этот дом не входит в сферу его наблюдений.

- Дальше.

- Слева на первом этаже живет мадемуазель Нолан, старая дева, говорят, очень богатая и очень скупая. Она до одиннадцати смотрела телевизор, а потом легла спать. Утверждает, что ничего не слышала и к ней никто не приходил.

- А кто живет справа?

- Некий Давей. Он вдовец, одинокий, работает заместителем директора какой-то страховой компании.

Давей, как обычно, поужинал в городе, а домой вернулся в четверть десятого. Я узнал, что время от времени к нему приходит молодая женщина, но в тот вечер ее не было, а он, вернувшись, читал газеты, и около половины одиннадцатого заснул. Говорит, что ничего подозрительного не слышал, а проснулся от того, что в дом вошли сотрудники отдела судебной экспертизы со своими аппаратами. Тогда Давей встал, подошел к стоящему у дверей полицейскому и спросил, что происходит.

- И как он отреагировал?

- Никак. Снова лег спать.

- Он знал Жосленов?

- Только с виду. На втором этаже слева квартиру занимает семья Ареско. Их шесть или семь человек. Все они смуглые и толстые, а женщины довольно красивые.

Говорят с сильным акцентом. Там живут отец, мать, ее сестра, двадцатилетняя дочь и еще двое или трое детей.

Вчера вечером они никуда не выходили.

- Ты уверен? Ведь консьержка сказала...

- Знаю. Она мне это повторила. Вскоре после ухода доктора Фабра кто-то вошел в дом и, проходя мимо привратницкой, назвался Ареско. Месье Ареско возмущен... Они всей семьей играли в карты и клянутся, что никто из квартиры не выходил.

- Что говорит консьержка?

- Она почти уверена, что произнесли именно эту фамилию, и ей даже показалось, что с акцентом.

- Почти уверена... - повторил Мегрэ. - Ей даже показалось... Чем занимаются эти Ареско?

- Владеют какими-то крупными предприятиями в Южной Америке и проводят там часть года. У них еще есть дом в Швейцарии. Они вернулись оттуда две недели назад.

- Они знакомы с Жосленами?

- Говорят, что даже фамилии их не знали.

- Продолжай...

- Справа от них живет искусствовед Жозеф Мерийон. В данный момент он находится с каким-то государственным поручением в Греции.

- На третьем?

- Весь этаж занимают Тюплеры. Сейчас их нет, они путешествуют по Америке.

- А у них есть слуги?

- Квартира на три месяца закрыта. Ковры сданы в чистку.

- На четвертом?

- Квартира напротив Жосленов тоже пуста. Там живут Делили, пожилая пара. Их дети со своими семьями живут отдельно, а родители уезжают на Лазурный берег ежегодно до начала октября. Такие люди отдыхают подолгу, патрон...

- А на пятом?

- Над Жосленами живут Мера, архитектор, его жена и двенадцатилетний сын. Месье Мера до полуночи работал, но ничего не слышал. Причем окно у него было открыто. Через площадку - квартира промышленника Бланшона с женой. В этот день они уезжали на охоту в Солонь. На шестом - одинокая женщина, мадам Шварц. К ней часто по вечерам приходит подруга, но в этот вечера она была одна и рано легла спать. На том же этаже живет еще молодая пара.

Они поженились только в прошлом месяце, а теперь уехали к родителям жены в Ньевр. Наконец, на седьмом этаже - комнаты для прислуги.

Мегрэ с унылым видом смотрел на план. Конечно, некоторые квадраты оставались пустыми, люди еще находились на море, в деревне или за границей. Но по крайней мере половина дома была населена. Жильцы играли в карты, смотрели телевизор, читали или спали. Один из них даже работал. Консьержка еще не успела уснуть после ухода доктора Фабра.

Однако же раздались два выстрела, в одном из квадратов был убит человек, но ни в одном из других распорядок жизни не был нарушен.

Порядочные люди.

Все они, наверное, тоже были порядочными людьми, с не вызывающими сомнения источниками дохода, открыто вели зажиточную жизнь.

Может быть, консьержка, открыв дверь уходящему доктору Фабру, заснула крепче, чем ей казалось? Говорила она, конечно, искренне. Она женщина неглупая и понимает значение своих показаний.

Она утверждала, что между половиной одиннадцатого и одиннадцатью кто-то вошел в дом и, проходя мимо привратницы, назвал фамилию Ареско.

А Ареско клялись, что никто из них в этот вечер из квартиры не выходил. Они не знали Жосленов. Это вполне допустимо. Такое часто встречается в Париже, в подобных домах, особенно если речь идет о крупной буржуазии. Никто соседями не интересуется.

- Я только не понимаю, почему кто-то из жильцов, возвращаясь домой, назвался именем другого жильца.

- А если человек был не из этого дома?

- По словам консьержки, он не мог потом выйти из дома незаметно.

Мегрэ нахмурил брови.

- Это выглядит по-идиотски, - проворчал он. - Однако же, судя по всему, тут возможно только одно объяснение.

- Что он остался в доме?

- Во всяком случае, до утра... Днем легче войти и выйти незамеченным.

- Вы хотите сказать, что убийца мог находиться там, в двух шагах от полицейских, во время приезда прокуратуры, когда в здании работали люди из отдела экспертизы?

- В доме есть свободные квартиры... Вы сейчас возьмете с собой слесаря, чтобы убедиться, что ни один замок не был взломан.

- Полагаю, что в квартиру заходить не надо?

- Только проверьте замки снаружи.

- Это все?

- На данный момент все. А что бы вы хотели еще сделать?

Толстый Торранс задумался и произнес:

- Действительно...

Налицо было преступление, потому что человека убили. Только преступление это было необычным, ибо и жертва не была жертвой, как в других случаях.

- Порядочный человек! - с раздражением повторил Мегрэ.

Кто имел основание убить такого порядочного человека?

Еще немного - и комиссар будет ненавидеть порядочных людей.

Мегрэ пришел обедать домой. Сидя возле открытого окна, он внезапно заметил, хотя и прежде видел ежедневно, что, перед тем как сесть за стол, жена сняла фартук, затем, как обычно, поправила волосы, чтобы придать им пышность.

Они тоже могли бы нанять прислугу, но мадам Мегрэ ни за что на это не соглашалась, утверждая, что, если ее лишат занятий по дому, она будет чувствовать себя никому не нужной. Мадам Мегрэ лишь изредка приглашала уборщицу на самую тяжелую работу, да и то, случалось, кое-что переделывала после ее ухода.

Может быть, мадам Жослен была такой же? Наверное, все-таки нет. Она была весьма педантичной - об этом свидетельствовала идеальная чистота в ее квартире, но, скорее всего, в отличие от мадам Мегрэ, она не ощущала потребности делать все своим руками.

Почему это ему взбрело в голову, усевшись за стол, сравнивать двух таких непохожих женщин?

На улице Нотр-Дам-де-Шан мадам Жослен с дочерью, наверное, обедали вдвоем, и Мегрэ представил себе, как они украдкой поглядывают друг на друга. А может быть, они обсуждают какие-то бытовые дела?

Ведь если доктор Фабр уже вернулся домой, на бульвар Брюн, что было вполне вероятно, то он сможет тоже уделить некоторое время сыновьям, которые оставались под присмотром прислуги.

Обычно, едва успев поесть, он шел в свой кабинет, где днем безостановочно сменяли друг друга маленькие пациенты со своими встревоженными мамами. Нашел ли он сиделку для тещи? А та, в свою очередь, согласится ли терпеть возле себя чужого человека?

Мегрэ сам себе удивлялся: его так занимали все эти мелкие подробности, словно речь шла о его родственниках. Рене Жослен умер, и теперь следовало не только найти убийцу... Те, которые оставались, должны были как-то перестроить свою жизнь.

Мегрэ хотелось зайти к Фабрам на бульвар Брюн, почувствовать атмосферу, в которой жила эта семья. Он знал, что их квартира находится в новом доме, рядом с университетским городком, и легко представил себе ничем не примечательное здание, подобные которому он часто видел, проезжая мимо. Он называл их домами-ловушками. Голый белесый фасад с пятнами сырости. Ряд одинаковых окон, однотипные квартиры - ванная над ванной, кухня над кухней, тонкие стены, пропускающие малейший шум.

Мегрэ был уверен, что там нет такого порядка, как в квартире Жосленов, что жизнь не столь размеренна, что едят здесь не по часам, и в этом отражается и характер самого Фабра, и неаккуратность, а может быть, даже и неумелость его жены.

Она была балованным ребенком. Мать и сейчас почти ежедневно приезжала к ней, сидела с детьми, водила старшего на прогулку. Наверное, мадам Жослен пыталась внести какой-то порядок в это безалаберное, на ее взгляд, существование.

Интересно, понимали ли женщины, сидевшие сейчас за столом, что, по логике вещей, единственным подозреваемым был пока Поль Фабр?

По данным расследования, он был последним, кто видел Жослена.

Разумеется, он не мог вызвать сам себя по телефону на улицу Жюли, но в больнице, где он работал, было достаточно преданных ему людей, которые могли бы оказать ему эту услугу. Он знал, где лежит пистолет.

К тому же у него была причина совершить убийство.

Безусловно, не из-за денег. Если бы тесть не настоял, он ни за что на свете не обзавелся бы частной практикой и все свое время уделял бы больнице, где чувствовал себя на своем месте.

Ну а Вероника? Не начала ли она жалеть, что вышла замуж за человека, которого окружающие называли святым? Может быть, ей хотелось жить по-другому?

Может быть, эти настроения стали заметны?

После смерти Жослена, вероятно, дочь с мужем получают свою долю наследства.

Мегрэ пытался представить себе сцену: мужчины молча, с сосредоточенным видом сидят за шахматной доской, как все шахматисты. В какой-то момент доктор встает и идет к комоду, где в одном из ящиков лежит пистолет.

Мегрэ покачал головой: нет, не так. Он не мог вообразить себе, как Фабр, держа палец на спусковом крючке, целится в тестя...

А может быть, возник какой-то спор, перешедший в ссору, и оба потеряли контроль над собой?

Вообразить можно что угодно, а вот поверить... Это совсем не соответствовало характеру ни того, ни другого.

А если здесь замешан таинственный посетитель, о котором упоминала консьержка, тот, что, проходя, назвал фамилию Ареско?

- Мне звонила Франсин Пардон, - вдруг сказала мадам Мегрэ, может быть, нарочно, чтобы отвлечь мужа от его мыслей.

Какое-то время Мегрэ смотрел на нее, даже не понимая, о чем идет речь.

- Они в понедельник вернулись из Италии. Помнишь, как они радовались, что поедут в отпуск вдвоем?

Впервые за двадцать лет чета Пардонов отправлялась в отпуск вдвоем. Они поехали на машине, собираясь сначала остановиться во Флоренции, потом в Риме, в Неаполе, а на обратном пути в Венеции и в Милане.

- Они спрашивают, будем ли мы у них ужинать в среду?

- А почему бы и нет?

Ведь это уже вошло в привычку. Обычно супруги Мегрэ ужинали у них в первую среду месяца, но из-за отпуска все немного сместилось.

- Мадам Пардон сказала, что путешествие было крайне утомительным, что на дороге такое же движение, как на Елисейских полях, и что каждый вечер им приходилось ждать по два-три часа, прежде чем удавалось получить комнату в гостинице.

- Как поживает их дочь?

- Хорошо. Прекрасный ребенок...

Мадам Пардон тоже почти ежедневно навещала дочь, которая в прошлом году вышла замуж и несколько месяцев назад родила. Если бы у них с мадам Мегрэ был сын или дочь, то теперь тоже были бы внуки, и мадам Мегрэ, как другие...

- Знаешь, что они решили?

- Нет.

- Купить небольшой домик на берегу моря или где-нибудь в деревне, чтобы всей семьей проводить там отпуск.

У Жосленов была вилла в Ля-Боле. Месяц в году или больше они жили там все вместе. Рене Жослен ушел на пенсию.

Внезапно эта мысль поразила Мегрэ. Владелец картонажного производства всю свою жизнь был деятельным человеком, большую часть времени проводил на улице Сен-Готар, а иногда даже работал там вечерами.

Он виделся с женой только за столом, во время еды и какое-то время в конце дня.

Он перенес сердечный приступ и так испугался, что буквально на следующий день бросил работу.

А что бы делал Мегрэ, выйдя, как и Жослен, на пенсию и доведись ему проводить весь день дома вдвоем с женой? Впрочем, все было уже решено - они будут жить в деревне, где куплен загородный домик.

Ну а если бы ему пришлось остаться в Париже?

Каждое утро Жослен в одно и то же время, около девяти, как на работу, выходил из дому. По словам консьержки, он шел в Люксембургский сад осторожной размеренной походкой, как все сердечные больные или те, кто боится сердечного приступа.

У Жосленов не было собаки, и это удивило Мегрэ.

Он хорошо представлял себе Рене Жослена с собакой на поводке. Кошки в квартире тоже не было.

Он покупал газеты. Наверное, садился на скамейку в саду и читал их. А может быть, ему случалось вступать в разговор с соседями? Или он мог, например, регулярно встречаться с одним и тем же человеком, мужчиной или женщиной.

На всякий случай надо поручить Лапуэнту попросить фотографию Рене Жослена у его близких и попытаться, показывая ее торговцам, сторожам Люксембургского сада, восстановить все, что тот делал по утрам.

Принесет ли подобный опрос какой-нибудь результат? Он предпочитал не думать об этом. Его все больше и больше занимал этот человек, которого он никогда не видел живым, семья, о существовании которой он даже не подозревал еще накануне.

- Ты придешь к ужину?

- Да. Надеюсь.

Мегрэ пошел на угол бульвара Ришар-Ленуар к остановке автобуса. Он остался на площадке, курил трубку, разглядывал прохожих, которые торопились по своим незначительным делам, как если бы семьи Жослен вообще не существовало, словно не было в Париже человека, который по непонятным причинам убил другого.

У себя в кабинете Мегрэ специально занялся малоинтересными административными обязанностями, чтобы больше не думать об этом деле, и ему это почти удалось, потому что, когда около трех часов дня зазвонил телефон, он удивился, услышав в трубке взволнованный голос Торранса:

- Я уже там, патрон...

Он чуть было не спросил: "Где там?"

- Я решил, что лучше позвонить вам, чем самому ехать на Набережную. Может, вы захотите сами... Я кое-что обнаружил...

- Обе женщины по-прежнему у себя?

- Пришла еще одна - мадам Маню.

- Что случилось?

- Вместе со слесарем мы осмотрели все двери, и те, которые выходят на пожарную лестницу. Ни одна не взломана. На шестом этаже мы не задерживались, поднялись на седьмой, где живет прислуга.

- Что вы обнаружили?

- Так вот. Большинство комнат заперты. Когда мы осматривали очередной замок, открылась соседняя дверь, и мы были ошарашены, увидев девицу в чем мать родила, которая, казалось, ничуть не смутившись, принялась с любопытством нас разглядывать. Между прочим, красotka, очень темные волосы, огромные глаза - ярко выраженный испанский или латиноамериканский тип.

Мегрэ слушал, машинально рисуя в своем блокноте женский силуэт.

- Я спросил, что она здесь делает, и она ответила на плохом французском языке, что у нее сейчас свободное время, а работает она служанкой у Ареско. "Почему вы хотите открыть эту дверь?" - спросила она подозрительно. И добавила, впрочем, ничуть не взволновавшись от подобной гипотезы:

- Вы воры?" Я объяснил ей, кто мы такие. Она даже не знала, что этой ночью убили одного из жильцов. "Такой толстый мужчина, очень вежливый?"

Он всегда улыбался мне при встрече". Потом сказала:

"Так, значит, это была их новая служанка". Я не понял, что она имеет в виду. Наверное, у нас был дурацкий вид, и мне хотелось попросить ее хоть что-нибудь на себя надеть. "Что за новая служанка?" - "Наверное, они взяли новую служанку. Этой ночью я слышала шум в соседней комнате..."

В ту же минуту Мегрэ перестал рисовать. Он даже разозлился, что сам до этого не додумался. Точнее, он почти додумался прошлой ночью. В какой-то момент подобная мысль начала вырисовываться в его сознании и уже было стала совсем конкретной, он говорил об этом Лапуэнту, но кто-то, то ли комиссар Сент-Юбер, то ли следователь обратился к нему, и он сбился с мысли.

Консьержка рассказала, что очень скоро после ухода доктора Фабра какой-то человек вошел в дом и назвал фамилию Ареско. Однако все члены семьи Ареско утверждали, что к ним никто не приходил и сами они из дому не выходили.

Мегрэ велел опросить жильцов, но он не знал планировки дома, иначе говоря, не знал, что существует этаж с комнатами для прислуги.

- Вы понимаете, патрон... Минутку... Еще не все...

Этот замок тоже не был взломан... Тогда по пожарной лестнице я спустился на четвертый этаж и спросил у мадам Маню, есть ли у нее ключ от комнаты для прислуги.

Она протянула руку к гвоздю, вбитому справа от шкафчика, и удивленно посмотрела сначала на стену, потом на гвоздь. "Смотри-ка, его здесь нет..." Она объяснила мне, что ключ от комнаты седьмого этажа всегда висел на гвозде. "Еще вчера?" - настаивал я. "Не могу поклясться, но я почти уверена в этом... Я поднималась туда только один раз с мадам, когда я только к ним поступила. Там нужно было прибраться, снять постельное белье, наклеить бумагу на окна, чтобы было меньше пыли..."

Если уж Торранс выходил на след, он шел по нему с упорством охотничьей собаки.

- Тогда я снова поднялся наверх. Меня там ждал слесарь. Служанка-испанка, ее зовут Долорес, спустилась вниз. Замок оказался серийного производства, без секрета. Слесарь легко его открыл.

- Вы не спрашивали разрешения у мадам Жослен?

- Нет. Я ее не видел. Вы говорили, что беспокоить ее можно только в экстренных случаях. А здесь мы обошлись без ее участия. Так вот, патрон, мы на верном пути. Кто-то провел ночь или часть ночи в комнате для прислуги. Бумага, которой завешено окно, порвана, а окно открыто. Видно, что на матрасе лежал мужчина, на подушке осталась вмятина от головы. И наконец, на полу валяются окурки. Я говорю, мужчина, потому что на окурках нет следов губной помады. Я звоню из бара "Труба" на улице Вавен. Я подумал, что вы сами захотите взглянуть...

- Еду!

Мегрэ сразу же стало легче, что больше не нужно подозревать доктора Фабра. Все, как по волшебству, изменилось. Консьержка оказалась права. В дом вошел кто-то с улицы. Этот "кто-то" не только знал, в каком ящике лежит пистолет, но знал и о том, что существует комната для прислуги и где на кухне висит ключ от нее.

Таким образом, в прошлую ночь, пока следствие топталось на месте, убийца, по всей видимости, находился в доме, курил, лежа на матрасе в ожидании, пока рассветет и можно будет уйти.

Интересно, дежурил ли ночью у входной двери полицейский? Мегрэ не знал. Это уже входило в обязанности местного комиссариата. Он видел одного полицейского, когда вернулся с улицы Сен-Готар, но того вызвал муж консьержки, когда в дом нахлынули журналисты и фотографы.

В любом случае в дом, несомненно, входило и выходило множество людей, не считая рассыльных по доставке продуктов. Консьержка была занята почтой, ребенком, репортерами, многим из которых удалось даже прорваться на четвертый этаж.

Мегрэ позвонил в отдел установления личности.

- Мере? Пришлите мне, пожалуйста, одного из сотрудников со всем необходимым для снятия отпечатков пальцев. Может быть, будут и другие следы.

Пусть возьмет все, что можно... Жду у себя в кабинете...

В дверь постучал инспектор Барон:

- Патрон, я наконец дозвонился до секретаря театра Мадлен. Действительно, на имя мадам Жослен было заказано два места. Оба кресла были заняты в течение всего спектакля, правда, кем точно - не известно. В театре был аншлаг, и никто во время действия из зала не выходил. Разумеется, были антракты...

- Сколько?

- Два. Первый всего на четверть часа, и многие оставались в зале. Второй длился добрых полчаса - требовалась полная и, следовательно, трудоемкая смена декораций.

- В котором это было часу?

- В десять. Я узнал фамилии тех, кто сидел за креслами девяносто семь и девяносто восемь. Это завязтые театралы, они всегда берут одни и те же места. Месье и мадам Демайсе. Живут они в Пасси, на улице Помп.

Связаться с ними?

- Желательно...

Он не хотел ничего пускать на самотек.

Явился специалист из уголовной полиции, обвешанный своими аппаратами, как фоторепортер.

- Мне взять машину?

Мегрэ кивнул и вышел вместе с ним. Они застали Торранса за кружкой пива в компании слесаря, которого, казалось, эта история забавляла.

- Вы мне больше не нужны. Спасибо, - сказал ему комиссар.

- Да как же вы попадете без меня? Я закрыл дверь.

Мне велел ваш инспектор.

- Я не хотел рисковать, - прошептал Торранс.

Мегрэ тоже взял кружку пива и выпил ее почти залпом.

- Подождите меня здесь!

Он пересек улицу, вошел в лифт, позвонил в дверь квартиры Жосленов. Как и утром, мадам Маню приоткрыла дверь на цепочку и, узнав его, сразу же впустила в дом.

- Какую из дам вы хотите увидеть?

- Мадам Жослен, если только она не отдыхает.

- Недавно приходил доктор и требовал, чтобы она снова легла в постель, но она не согласилась. Не в ее характере валяться целый день на кровати, разве что когда заболит...

- Никто не приходил?

- Только месье Жуан на несколько минут. Еще ваш инспектор, такой толстый, просил ключ от верхней комнаты. Честное слово, я его не брала. Я даже думала, зачем этот ключ болтается здесь на гвозде, если этой комнатой не пользуются.

- И ни разу не пользовались с тех пор, как вы работаете у мадам Жослен?

- Ни разу. Ведь другой-то прислуги нет.

- Ну а может быть, мадам Жослен устраивала там кого-нибудь из приятелей или знакомых, допустим, на одну только ночь?

- Если бы им нужно было оставить переночевать кого-нибудь из приятелей, думаю, они отдали бы ему комнату мадам Фабр... Я скажу мадам...

- А что она делает?

- По-моему, они составляют список, кому нужно послать извещение о смерти...

В гостиной дам не оказалось. Подождав немного, Мегрэ увидел, как обе женщины вошли в комнату, и у него сложилось странное впечатление, что они ни на минуту не разлучаются, потому что не доверяют одна другой.

- Простите, что я вас снова беспокою. Полагаю, мадам Маню вам сообщила...

Перед тем как ответить, они посмотрели друг на друга, но заговорила мадам Жослен:

- Мне даже в голову не приходило перевесить этот ключ на другое место, я вообще о нем забыла. Что это значит? Кто мог его взять? Для чего?

Ее взгляд казался мрачнее и сосредоточеннее, чем утром. Руки выдавали нервозность.

- Мой инспектор взял на себя смелость открыть комнату прислуги, - объяснил Мегрэ. - Он решил не беспокоить вас. Пожалуйста, не сердитесь на него. Тем более, что теперь, наверное, следствие пойдет по новому пути.

Он наблюдал за ней, пытаясь угадать ее реакцию, но она прекрасно владела собой.

- Я слушаю.

- Сколько времени вы уже не поднимались на седьмой этаж?

- Несколько месяцев. Когда ко мне поступила мадам Маню, я пошла туда вместе с ней, так как предыдущая прислуга оставила все в страшном беспорядке.

- Значит, примерно полгода?

- Да.

- И больше вы там не бывали? И муж тоже, вероятно?

- Он вообще ни разу туда не поднимался. Что ему там было делать?

- А вы, мадам Фабр?

- Я там не была уже много лет. Когда у нас работала Ольга, я иногда поднималась к ней в комнату. Помнишь, мама? Лет восемь назад...

- Окно было заклеено бумагой?

- Да. От пыли.

- А сейчас бумага сорвана, окно открыто. Кто-то ложился на постель, вероятно мужчина, и выкурил несколько сигарет.

- Вы уверены, что это было прошлой ночью?

- Пока не наверняка. Разрешите нам подняться туда и еще раз тщательно все осмотреть.

- Полагаю, вам не нужно спрашивать у меня разрешения.

- Разумеется, если вы хотите присутствовать...

Она прервала его, покачив головой.

- У вашей предыдущей прислуги был любовник?

- Я об этом ничего не знаю. Она была порядочной девушкой, помолвлена, а затем ушла от нас, чтобы выйти замуж.

Мегрэ направился к двери. Почему у него снова возникло ощущение, что между матерью и дочерью существует какое-то недоверие?

Ему бы хотелось узнать, как они держатся между собой наедине и о чем говорят.

Мадам Жослен не утратила хладнокровия, но Мегрэ вовсе не был уверен, что она не потрясена неожиданностью.

И все же он мог бы поклясться, что эта история с комнатой для прислуги была для нее не так неожиданна, как для него. Ну а Вероника резко повернулась к матери, и в ее взгляде можно было прочесть удивление.

Что она собиралась сказать?

Он вернулся в "Трубу", где его ждали трое мужчин, выпил еще одну кружку пива и пошел вместе с ними к пожарной лестнице в доме Жосленов. Слесарь открыл дверь. С трудом удалось его выпроводить, он пытался остаться под любым предлогом.

- А как вы без меня закроете?

- Мы опечатаем...

- Смотрите, патрон, - сказал Торранс, указывая на кровать, все еще распахнутое окно, на пять или шесть окурков на полу.

- Я бы хотел прежде всего знать, когда были выкурены сигареты.

- Это легко установить.

Специалист осмотрел окурков, понюхал, осторожно отогнул бумагу, размял в пальцах табак.

- После лабораторного анализа я смогу дать точный ответ. Но и сейчас можно утверждать, что курили эти сигареты недавно. Даже если просто понюхать воздух в этой комнате, вы почувствуете, что, несмотря на открытое окно, здесь все еще пахнет табаком.

Он доставал свои приборы медленно и неторопливо, как все криминалисты. Для них не существует мертвых или, вернее, мертвые для них безлики, словно у них никогда не было ни семьи, ни собственного имени. Для криминалистов преступление - сугубо научная проблема. Они занимаются конкретными вещами - следами, отпечатками пальцев, даже пылью.

- Очень удачно, что здесь давно не убрали, - продолжал он и, повернувшись к Торрансу, спросил:

- Вы ходили по комнате, трогали предметы?

- Ничего, кроме окурков. Мы со слесарем не отходили от двери.

- Прекрасно.

- Вы занесете результаты ко мне в кабинет? - спросил Мегрэ, не зная, где ему встать.

- А мне что делать? - спросил Торранс.

- Возвращайтесь на Набережную.

- Если позволите, я еще задержусь, чтобы узнать, если ли тут отпечатки пальцев, - сказал эксперт.

- Как хотите...

Мегрэ грузно спустился по лестнице и еле удержался, чтобы не позвонить в квартиру Жосленов. От последнего разговора с женщинами у него остался неприятный осадок. Ему казалось, что все события развивались вопреки логике.

Все это как-то не так. Впрочем, о какой логике может идти речь, если в жизнь людей внезапно вторглось преступление? Если предположить, что убитый был очень похож по типу на доктора Пардона, например... Как бы вели себя его жена, дочь, зять?

Он не мог вообразить это, хотя знал семью Пардон уже много лет, ведь это были их лучшие друзья.

Неужели мадам Пардон вот так, внезапно, стала бы такой же растерянной, потеряла бы дар речи и даже не попыталась бы остаться около тела мужа?

Он сообщил жене убитого, что кто-то взял ключ от комнаты прислуги, прятался там несколько часов и даже остался там, когда поздно ночью, после ухода полиции, женщины были дома одни. Но мадам Жослен на это почти не отреагировала. Вероника же посмотрела на мать, но та, казалось, взглядом запретила ей говорить. Одно было несомненно, убийца ничего не украл. И пока что, по результатам следствия, получалось так, что никто не был заинтересован в смерти Рене Жослена.

Для Жуана и его партнера эта смерть ничего не меняла. Да и трудно предположить, чтобы Жуан, который всего несколько раз был в квартире на улице Нотр-Дам-де-Шан, знал, где лежит пистолет, где висит ключ и какая из комнат на седьмом этаже принадлежит Жосленам.

Ну а Фабр, вероятно, вообще ни разу туда не поднимался. Да ему и не имело смысла прятаться наверху.

В любом случае, он был сначала в больнице, а затем в квартире на четвертом этаже, где комиссар его допрашивал.

Спустившись на первый этаж, Мегрэ неожиданно подошел к лифту, поднялся на второй и позвонил в квартиру Ареско. За дверью слышалась музыка, голоса, шум. Когда ему открыли, он увидел двух ребятшек, гонящихся друг за другом, и толстую женщину в халате, которая пыталась поймать их.

- Вас зовут Долорес? - спросил он у открывшей дверь девушки, на сей раз одетой в светлосинее платье и в шапочке такого же цвета на темных волосах.

Она ослепительно улыбнулась ему. Казалось, в этой квартире все смеялись, радовались жизни и здесь всегда царила веселая суматоха.

- Да, сеньор.

- Вы говорите по-французски?

- Да...

Толстая женщина переспросила девушку на своем языке, не спуская глаз с Мегрэ.

- Она не понимает по-французски?

Девушка отрицательно покачала головой и расхохоталась.

- Скажите, что я из полиции, как и инспектор, которого вы видели наверху, и что я хочу задать вам несколько вопросов...

Долорес переводила с невероятной быстротой, и толстуха, схватив детей за руки, утащила их за собой в комнату и плотно закрыла застекленную дверь. Музыка продолжала играть. Девушка стояла перед Мегрэ, не приглашая его пройти в комнату. Открылась другая дверь, оттуда выглянул темноглазый мужчина, потом дверь без стука закрылась.

- В котором часу вы поднялись к себе в комнату вчера вечером?

- Наверное, в половине одиннадцатого... Я не посмотрела...

- Вы были одна?

- Да, сеньор...

- Вы ни с кем не столкнулись на лестнице?

- Нет.
- В котором часу вы услышали шум в соседней комнате?
- В шесть утра, когда встала.
- Шаги?
- Что?..

Она не знала этого слова. Тогда комиссар изобразил, что ходит, и это вызвало у нее приступ смеха.

- Да, да...
- А вы не видели мужчину? Дверь не открылась?
- Это был мужчина?
- Сколько человек размещается на седьмом этаже?

После каждого вопроса ей требовалось какое-то время, чтобы понять. Было похоже, что она переводит слово за словом, а уже потом улавливает смысл сказанного.

Она показала два пальца:

- Нас только двое... Я и прислуга из квартиры на пятом этаже.
- Мера?
- Не знаю, Мера - это справа или слева?
- Слева.
- Значит, нет... Другие... Те, что уехали с ружьями...

Я видела их вчера утром, они садились в машину...

- Они уехали с прислугой?
- Нет. Но она не приходила ночевать. У нее есть друг...
- Значит, прошлой ночью вы были одна на этаже?

Это ее рассмешило. Ее все сместило. Она даже не понимала, что только тонкая стенка отделяла ее от человека, который почти наверняка был убийцей.

- Одна... Без друга...
- Благодарю вас.

За стеклянной дверью, завешенной шторой, мелькали какие-то лица, раздавался смех.

Он остановился перед привратницей. Консьержки не было. Ему навстречу вышел мужчина в подтяжках с ребенком на руках; он быстро положил ребенка в колыбель и поторопился представиться:

- Полицейский Бонне... Входите, господин комиссар... Жена ушла за покупками... Я ночью дежурил...

- Мне просто хотелось ей сказать, что она не ошиблась. Похоже, кто-то действительно входил в дом вчера вечером и остался на ночь...

- Его нашли? Где?

- Его не нашли, но обнаружены следы в комнате прислуги... Должно быть, он выскользнул сегодня утром, пока ваша жена сражалась с репортерами...

- Значит, жена виновата, что...
- Да нет же.

Если бы не длительные отпуска, которые могли себе позволить многие жильцы этого дома, на седьмом этаже было бы пять или шесть человек и кто-нибудь из них, возможно, столкнулся бы с преступником.

Мегрэ поколебался, прежде чем перейти улицу и снова заглянуть в "Трубку", но наконец решился и почти машинально заказал:

- Кружку пива...

Чуть позже он увидел через витрину, как из дома вышел Торранс, которому надоело наблюдать за работой своего коллеги из лаборатории и которому пришла в голову та же мысль, что и Мегрэ.

- Вы здесь, патрон?

- Я допрашивал Долорес.

- Чего-нибудь добились? Она была, по крайней мере, одета?

Торранс до сих пор был горд и счастлив своим открытием. Казалось, он не понимал, почему Мегрэ выглядит озабоченным, каким-то более грузным, чем утром.

- Ну, мы ведь за что-то зацепились, не так ли? Знаете, наверху полно следов. Коллега из отдела экспертизы вне себя от радости. Единственная проблема, заведена ли на убийцу карточка?

- Я почти уверен, что нет, - сказал Мегрэ, допивая пиво.

И в самом деле, через два часа заведующий картотекой дал отрицательный ответ. Отпечатки пальцев, снятые в доме на улице Нотр-Дам-де-Шан, не фигурировали ни в одной из карточек, содержащихся в картотеке лиц, замешанных в какие-либо уголовные истории.

Лапуэнт провел вторую половину дня, показывая фотографию Рене Жослена торговцам в квартале, садовым сторожам, тем, кто изо дня в день гулял в Люксембургском саду. Некоторые узнавали его, другие нет...

- Он приходил каждое утро, шел неторопливой походкой...

- Он смотрел, как играют дети...

- Он клал возле себя газеты и, читая их, иногда курил...

- Он производил впечатление порядочного человека...

Глава 5

Вероятно, всю ночь шел дождь. Мегрэ не знал наверняка, но очень обрадовался, когда, проснувшись, увидел, что на мокром тротуаре отражались тяжелые от дождя тучи с темными краями, а вовсе не легкие розовые облачка, что плыли по небу все предыдущие дни.

Ему хотелось поскорее забыть о лете, об отпуске, хотелось, чтобы все вернулось на свои привычные места, и всякий раз, встретив загорелую девушку, идущую легкой походкой в узких облегающих брюках и в сандалиях на босу ногу, - ей уместнее было появиться где-то на пляже, а не на улице Парижа, - он начинал хмуриться.

Была суббота. Он сначала решил вновь отправиться на улицу Сен-Готар, чтобы повидать Жуана, хотя и не мог себе объяснить, для чего ему это нужно.

Мегрэ хотелось снова увидеть всех, и даже не за тем, чтобы задавать им конкретные вопросы, а чтобы побыть среди них, лучше ощутить атмосферу, в которой жил Рене Жослен.

В этом деле явно что-то не клеилось. Было очевидно, что убийца пришел извне, а это расширяло возможности поисков. Хотя так ли уж расширяло? Ясно было одно, оружие взяли из ящика, ключ с гвоздика в кухне, а мужчина, поднявшись на седьмой этаж, не ошибся комнатой.

Однако сегодня Мегрэ умышленно отправился на работу пешком, как часто делал, когда хотел дать себе передышку. Воздух стал свежее. Прохожие уже не казались такими загорелыми и вновь обрели обычный, будничныи вид.

Он пришел на Набережную как раз к утреннему рапорту и, взяв под мышку досье, направился в кабинет начальника, где уже собрались остальные начальники отделов. Каждый докладывал о

последних происшествий. Начальник отдела светской жизни, например, предлагал закрыть один ночной клуб, на который ежедневно ему приходили жалобы. Дарю организовал ночью облаву на Елисейских полях. Теперь три или четыре десятка девиц легкого поведения дожидались решения своей участи в Депо {парижская тюрьма}.

- Ну а что у вас, Мегрэ?

- Я увяз в одном деле, в котором замешаны порядочные люди, - мрачно проворчал он.

- А подозреваемые есть?

- Пока еще нет. Только отпечатки пальцев, но в нашей картотеке такие не значатся, иначе говоря, это отпечатки пальцев тоже какого-нибудь порядочного гражданина...

Ночью совершено еще одно преступление, не просто преступление, а настоящая резня... Занимался этим только что вернувшийся из отпуска Люка. В данный момент он допрашивал у себя в кабинете убийцу, пытался разобраться в его объяснениях.

Это произошло между поляками-эмигрантами в убогой лачуге, недалеко от Итальянских ворот. Некто Стефан, чернорабочий, плохо говоривший по-французски, довольно чахлый и тщедушный на вид, фамилию его было просто не выговорить, жил там с женой и четырьмя малолетними детьми.

Люка видел женщину до того, как приехала карета "Скорой помощи", и говорил, что она необычайно хороша собой.

Она была женой не этого поляка, а его соотечественника, некоего Маевски, вот уже три года работавшего на фермах где-то на севере. Двое старших детей были от Маевски. Что именно произошло между этими людьми три года назад, понять было невозможно.

- Он мне ее отдал, - упрямо твердил Стефан.

Другой раз он утверждал:

- Он мне ее продал...

Три года назад тщедушный Стефан занял место своего приятеля в лачуге и в постели красотки жены. Законный муж уехал, казалось, по своей воле. Родилось еще двое детей, и все шестеро жили в одной комнате, как цыгане в повозке.

Тем временем Маевски решил вернуться, и, пока его "заместитель" был на работе, он попросту занял свое прежнее место. О чем говорили мужчины, когда пришел Стефан? Люка пытался уяснить это, но его клиент говорил по-французски примерно так же, как горничная, которую Мегрэ допрашивал накануне.

Стефан ушел из дома. Около суток он бродил неподалеку, не сомкнув глаз; он ходил из одного бистро в другое и у какого-то мясника раздобыл отличный нож.

Он уверял, что не крал его, и очень горячился по этому поводу. Вероятно, для него это был вопрос чести.

Ночью он проник в комнату, где все спали, и четырьмя или пятью ударами ножа убил мужа. Затем бросился на обезумевшую от ужаса женщину, два или три раза ударил ее, но прежде, чем успел ее прикончить, на крики подоспели соседи.

Стефан спокойно дал себя арестовать. Мегрэ зашел в кабинет, когда допрос уже подходил к концу. Люка медленно печатал на машинке протокол.

Мужчина сидел на стуле и курил сигарету, которую ему только что дали; перед ним стояла пустая кофейная чашка. Соседи явно с ним не церемонились. Воротник рубашки был порван, волосы взлохмачены, лицо в царапинах.

Он слушал Люка нахмурившись, напрягаясь, чтобы понять смысл его слов, затем, видимо, размышляя, качая головой из стороны в сторону.

- Он мне ее дал, - повторил он, словно это объясняло случившееся. - Он не имел права забирать ее у меня...

Казалось, он не видел ничего предосудительного в том, что убил своего бывшего товарища. Он убил бы и женщину, если бы ему не помешали. Интересно, расправился бы он с детьми?

На этот вопрос он не ответил, наверное, потому, что сам толком не знал. Он не предусмотрел всех деталей.

Решил убить Маевски с женой. Что же касается остального...

Мегрэ вернулся в свой кабинет. Его ждало сообщение, что люди с улицы Помп, сидевшие в театре позади мадам Жослен и Вероники, прекрасно помнят обеих. В первом антракте дамы не выходили из зала, а во втором вернулись на свои места задолго до того, как поднялся занавес, и не покидали театр до окончания спектакля.

- Чем мне заняться сегодня, патрон? - спросил Лапуэнт.

- Тем же, чем вчера днем.

Иначе говоря, пройти по пути, который проделывал каждое утро Рене Жослен во время прогулки, и задавать вопросы людям.

- Ему наверняка приходилось с кем-нибудь разговаривать. Попробуй еще раз, в то же самое время, что и он... У тебя есть вторая фотография? Дай-ка ее сюда.

На всякий случай Мегрэ положил фотографию себе в карман. Потом сел в автобус, следовавший по направлению к Монпарнасу. Ему пришлось погасить трубку, так как автобус был без открытой площадки.

Мегрэ было необходимо поддерживать связь с улицей Нотр-Дам-де-Шан. Злые языки утверждали, что комиссар старается все делать сам, даже вести утомительную слежку, словно он не доверяет своим инспекторам. Им просто невдомек, что ему во что бы то ни стало нужно понять, как живут люди, с которыми ему пришлось столкнуться, поставить себя на их место.

Если бы он мог, то обязательно обосновался бы в квартире Жосленов, сел бы за стол с обеими женщинами, возможно, проводил бы Веронику до дому, чтобы посмотреть, как она держится с мужем и детьми.

Ему хотелось самому совершить ту же прогулку, которую совершал по утрам Жослен, посмотреть на все его глазами, посидеть на тех же скамейках.

В этот час консьержка обычно стерилизовала рожки и потому надевала белый передник.

- Только что привезли тело, - сказала она, еще не оправившись от волнения.

- Дочь наверху?

- Да, уже с полчаса. Ее подвез муж.

- А сам он поднялся в квартиру?

- Нет. Похоже, спешил.

- Больше в квартире нет никого?

- Там сейчас служащие похоронного бюро. Они уже принесли все необходимое, чтобы установить гроб с покойным.

- Мадам Жослен ночевала одна?

- Нет. Около восьми вечера зять привел к ней даму средних лет. Она несла с собой чемоданчик. Наверное, медицинская сестра или сиделка. Она осталась с мадам Жослен. Мадам Маню явилась сегодня в семь утра, как обычно, а сейчас ушла за покупками.

Он задал новый вопрос, хотя не был уверен в том, что уже не спрашивал об этом. Этот вопрос его очень беспокоил.

- Вы не замечали, особенно в последнее время, никто не стоял около вашего дома, поджидая кого-нибудь из жильцов?

Она покачала головой.

- А мадам Жослен не принимала гостей в отсутствие мужа?

- По крайней мере, ни разу за те шесть лет, что я здесь работаю.

- А ее муж? Он ведь часто бывал днем один? Никто не приходил к нему? Или может быть, он сам ненадолго спускался?

- Нет... Не замечала... Я бы обязательно обратила внимание... Ведь если не происходит ничего необычного, на такие вещи внимания не обращаешь, это и в голову не приходит. Я обращала на Жосленов не больше внимания, чем на других жильцов, скорее даже меньше, чем на остальных, поскольку они мне хлопот не доставляли.

- Не помните, с какой стороны возвращался месье Жослен?

- По-разному. То со стороны Люксембургского сада, то со стороны перекрестка бульвара Монпарнас и улицы Вавен... Ведь он же не автомат, правда?

- Он всегда был один?

- Всегда.

- А доктор больше не приходил?

- Он заходил вчера в конце дня и долго сидел там.

И его тоже Мегрэ повидал бы снова. Ему казалось, что буквально у каждого можно узнать что-то важное.

Мегрэ не подозревал никого в сознательной лжи, но был уверен, что умышленно или нет, они утаивают от него часть истины.

Особенно мадам Жослен. Ни на минуту ее не отпускало внутреннее напряжение. Чувствовалось, что она продумывает каждое слово, пытаясь заранее угадать вопрос комиссара и подготовить ответ.

- Благодарю вас, мадам Бонне. Как ребенок? Спал ночью?

- Просыпался только один раз и сразу же заснул.

Странно, что в ту ночь он так нервничал, словно ощущал, будто что-то происходит.

Было половина одиннадцатого утра. Вероятно, Лапуэнт задавал вопросы гуляющим в Люксембургском саду, показывая фотографию. А те внимательно рассматривали ее и с серьезным видом отрицательно качали головой.

Мегрэ решил сам попытать счастья на бульваре Монпарнас, затем, возможно, на бульваре Сен-Мишель. Для начала он заглянул в небольшой бар, где накануне выпил три кружки пива.

Гарсон сразу же спросил у него, как у старого клиента:

- Вам то же самое?

Он кивнул не задумываясь, хотя пива ему не хотелось.

- Вы знали месье Жослена?

- Я не знал его по фамилии, но, когда увидел фотографию в газете, сразу же вспомнил. Раньше у него была собака, старая немецкая овчарка, еле двигавшаяся из-за ревматизма. Она всегда шла за ним следом, понутив голову. Это было лет эдак семь-восемь назад...

А работаю я здесь уже пятнадцать.

- А что стало с собакой?

- Наверное, умерла от старости. По-моему, это была собака барышни. Я и ее прекрасно помню...

- Вам не случилось видеть месье Жослена в обществе какого-нибудь мужчины? Или может быть, кто-нибудь ждал его у входа?

- Нет... Ведь знал я его только с виду... Он у нас никогда не бывал... Как-то утром я шел по бульвару Сен-Мишель и видел, как он выходил из тотализатора... Это меня удивило... По воскресеньям я сам немного пробую счастья на бегах, но чтоб такой человек, как он... Странно...

- Вы видели его выходящим из тотализатора только в тот раз?

- Да... Ведь я редко бываю на улице в такое время...

- Благодарю вас.

Рядом находилась бакалейная лавка, Мегрэ зашел и туда.

- Вы знаете этого человека?

- Разумеется. Это месье Жослен.

- Он часто бывал у вас?

- Не он. Его жена. Она наша постоянная клиентка вот уже пятнадцать лет.

- Она всегда сама ходила за покупками?

- Она оставляет заказ. А продукты мы доставляем ей чуть позже. Несколько раз приходила служанка...

А еще раньше изредка забегала дочь...

- А вы никогда не видели ее вместе с мужчиной?

- Мадам Жослен? - На него посмотрели недоуменно и даже с некоторой укоризной. - Она не из тех женщин, которым назначают свидание, особенно в своем же квартале.

Пусть так! Но он по-прежнему задавал всем этот вопрос. Он зашел в лавку мясника.

- Не знаете ли вы...

Жослен покупал мясо не в этом магазине, и ответ был весьма лаконичным.

Еще один бар. Он зашел и заказал одну кружку пива и вытащил из кармана фотографию.

- По-моему, он живет где-то неподалеку...

Какое количество человек опросили они с Лапуэнтотом подобным образом? И все-таки надеяться приходится только на удачу. Правда, один раз уже повезло.

Теперь Мегрэ знал, что у Рене Жослена была путь безобидная, но страсть, мания или привычка: он играл на бегах.

Играл по-крупному? Или же делал небольшие ставки, только чтобы развлечься? Знала ли об этом жена?

Мегрэ готов был побиться об заклад, что не знала.

Это как-то не вязалось с обстановкой квартиры на улице Нотр-Дам-де-Шан и внешним обликом этих людей.

Итак, у него была маленькая слабость... Возможно, были и другие...

- Простите, мадам... Вы не знаете...

Снова фотография. Отрицательный жест. Он заходит еще в одну мясную лавку, на сей раз хозяин весьма любезен, поскольку именно у него делают покупки мадам Жослен или мадам Маню.

- Он проходил мимо всегда в одно время...

- Один?

- Иногда встречался с женой, когда возвращался с прогулки.

- А она? Тоже всегда бывала одна?

- Однажды я видел ее с малышом, который едва научился ходить, с внуком.

Мегрэ зашел в кафе на бульваре Монпарнас. Посетителей почти не было. Официант натирал пол.

- Порцию чего угодно, только не пива, - заказал Мегрэ.

- Аперитив? Коньяк?

- Коньяк...

И неожиданно, когда он уже почти не верил в успех, ему повезло.

- Я его знаю. Я сразу же подумал о нем, когда увидел в газете фотографию. Правда, последнее время он немного похудел.

- Он заходил к вам пропустить рюмочку?

- Не часто... Раз пять или шесть, всегда в одно и то же время, когда у нас пусто. Поэтому-то я и обратил на него внимание.

- В такое время, как сейчас?

- Примерно... Чуть позже...

- Он был один?

- Нет. Вдвоем. Они сидели в глубине зала...

- Женщина?

- Мужчина.

- Какого типа?

- Хорошо одетый, довольно молодой, лет сорока - сорока пяти.

- Они о чем-то спорили?

- Говорили вполголоса, и я не слышал о чем.

- Когда они были в последний раз?

- Дня три-четыре назад.

Мегрэ едва мог поверить такой удаче:

- Вы уверены, что имеете в виду именно этого человека?

Он снова показал фотографию. Официант посмотрел на нее внимательнее, чем в первый раз:

- Я же сказал вам! Да, он! В руках у него всегда были газеты, не меньше трех или четырех, и, когда он ушел, мне пришлось догонять его, чтобы отдать газеты, он забыл их на стуле.

- Вы бы смогли узнать человека, который был с ним?

- Возможно. Высокий, темноволосый... В светлом, хорошо сшитом костюме из легкой ткани.

- Было похоже, что они спорят?

- Нет. Оба были серьезны, но не спорили...

- Что они пили?

- Месье Жослен попросил минеральную воду, а второй - виски. Должно быть, он в этом деле не новичок, потому что велел принести определенный сорт виски... Но у нас его не было, тогда он назвал другой.

- Сколько времени они были здесь?

- Минут двадцать... Может быть, чуть больше...

- Вы видели их вдвоем только в этот раз?

- Я абсолютно уверен, что, когда месье Жослен приходил к нам раньше, несколько месяцев назад, с ним был именно этот мужчина. Впрочем, я потом его встретил...

- Когда?
- В тот же день... Днем. Или на следующий? Нет же! Именно в тот день!
- Значит, на этой неделе?
- Точно... Во вторник или в среду...
- Он вернулся один?
- Он оставался один довольно долго, просматривал вечернюю газету... Заказал мне тот же сорт виски, что и утром... Потом пришла дама...
- Вы ее знаете?
- Нет.
- Молодая?
- Средних лет. Ни старая, ни молодая. Интересная дама.
- Как вам показалось, они хорошо знакомы?
- Бесспорно... Похоже, она спешила... Села рядом с ним, а когда я подошел взять заказ, она показала знаком, что ничего не нужно.
- Долго они сидели?
- Минут десять... Ушли порознь... Сперва дама...
Мужчина перед уходом выпил еще рюмку...
- Вы уверены, что именно он был утром с месье Жосленом?
- Абсолютно уверен... Заказал тот же сорт виски.
- Он похож на человека, который много пьет?
- Он пьет, но остается в форме. Совсем не опьянел, если вы это имеете в виду. Правда, у него мешки под глазами, понимаете?
- Вы видели этого мужчину вместе с женщиной только один раз?
- Один, насколько мне помнится. В другое время и смотреть некогда... Но у нас есть и другие официанты.

Мегрэ заплатил по счету и вышел на улицу, точно не зная, что будет делать дальше. Можно было сразу же пойти на улицу Нотр-Дам-де-Шан, но ему вовсе не хотелось оказаться там сейчас, когда привезут тело и, вероятно, будут устанавливать гроб...

Он предпочел пройтись еще, заглядывал в некоторые магазины и показывал фотографию, правда, без былой настойчивости.

Так он познакомился с зеленщиком Жосленов, сапожником, который чинил им обувь, с кондитером, у которого они покупали сладкое.

Дойдя до бульвара Сен-Мишель, он решил снова спуститься к главному входу в Люксембургский сад, повторяя таким образом ежедневную прогулку Жослена, только в обратном направлении.

Около ограды стоял киоск, где Жослен покупал газеты.

Фотография. Те же самые вопросы. Он ждал, что с минуты на минуту появится молодой Лапуэнт, который прочесывал сад.

- Да, это он... Я откладывала ему газеты и еженедельники, он просил...

- Он всегда бывал один?

Старая продавщица задумалась:

- Раз или два, мне кажется... Во всяком случае, один раз, когда кто-то возле него стоял, я спросила:

"А что для вас?" И мужчина ответил: "Я с месье..."

Он был высокий, темный, как ей кажется. Когда это было?

Весной, потому что цвели каштаны.

- А больше вы его не видели?

- Не помню...

Мегрэ нашел Лапуэнта в бистро, где размещался тотализатор.

- Вам тоже сказали? - удивился тот.

- Что сказали?

- Что он часто сюда заходил.

Лапуэнт успел расспросить хозяина. Тот не знал фамилии Жослена, но был абсолютно уверен:

- Он приходил сюда два-три раза в неделю и каждый раз ставил на пять тысяч франков. Нет! Он не похож на завсегдатая скачек. У него никогда не было с собой бюллетеня скачек, он не следил за изменениями курса. Таких, как он, теперь много. Они даже не знают, из какой конюшни какая лошадь и что значит слово "гандикап"...

Они выбирают цифры наугад, как те, кто участвует в национальной лотерее, просят билет с номером, оканчивающимся на какую-то определенную цифру.

- Ему случалось выигрывать?

- Раз или два...

Мегрэ и Лапуэнт вместе прошли по Люксембургскому саду. Там на металлических стульях сидели студенты, погружившись в свои конспекты, несколько парочек обнимались, рассеянно глядя на детишек, игравших неподалеку под присмотром матерей или нянек.

- Вы полагаете, Жослен имел секреты от жены?

- Мне так кажется. Скоро узнаем.

- Вы спросите у нее? Мне пойти с вами?

- Да, лучше, если ты будешь при этом.

Фургон похоронного бюро уже стоял перед домом.

Они поднялись на лифте, позвонили, и мадам Маню снова приоткрыла дверь, не сняв цепочку.

- Ах это вы...

Она провела их в гостиную, где все оставалось по-прежнему. Дверь в столовую была открыта, и там у окна сидела за вязаньем пожилая женщина. Наверняка сиделка или медсестра, которую привел доктор Фабр.

- Мадам Фабр только что ушла к себе домой. Позвать мадам Жослен? - И служанка добавила вполголоса:

- Месье здесь.

Она указала на бывшую комнату Вероники, потом пошла к хозяйке.

Мадам Жослен была не у гроба, а в своей комнате и вышла оттуда, одетая в темное, как и накануне, с бусами и серьгами из серого жемчуга.

И опять казалось, что она не плакала. Взгляд был по-прежнему неподвижным, глаза блестели.

- Вы, кажется, хотели со мной поговорить?

Она с любопытством взглянула на Лапуэнта.

- Один из моих инспекторов... - начал Мегрэ. - Простите, что снова вас беспокою.

Она не предложила им сесть, словно полагала, что визит будет недолгим. Она не задала ни одного вопроса, а ждала, глядя прямо в глаза комиссару.

- Мой вопрос, должно быть, покажется вам странным, но я хотел бы у вас спросить: ваш муж играл?

Она не вздрогнула. Мегрэ даже показалось, что она почувствовала некоторое облегчение и, едва шевеля губами, произнесла:

- Играл в шахматы, чаще всего с зятем, иногда, реже, с доктором Ларю.

- Он не играл на бирже?

- Никогда. Он терпеть не мог этого. Несколько лет назад ему предложили стать акционером одной анонимной фирмы, чтобы расширить дело, но он с негодованием отказался.

- Он покупал билеты национальной лотереи?

- Я никогда не видела у него таких билетов...

- На скачках он тоже не играл?

- Мне кажется, мы ездили в Лоншан или в Отей раз десять за всю жизнь, не больше, и то только чтобы посмотреть... Однажды, не так давно, он повез меня в Шантийи взглянуть, как разыгрывается приз Дианы, но он даже не подходил к кассам.

- А может быть, он играл на тотализаторе?

- А что это такое?

- В Париже и в провинции существуют такие бюро, чаще всего они размещаются в кафе или барах... Там заключают пари...

- Мой муж не ходил в кафе.

В ее голосе послышался оттенок презрения.

- Полагаю, вы тоже туда не ходили?

Он раздумывал, стоит ли вести дальше этот допрос, пробуждать ее подозрения. Тишина становилась давящей, это почувствовали все трое. Сиделка или медсестра из деликатности встала и закрыла дверь столовой.

За другой дверью находился покойник. Черные драпировки, наверное, горящие свечи, кусочек самшита, погруженный в "святую" воду...

Стоявшая перед ним женщина была вдовой, и он не должен был об этом забывать. Она пошла в театр с дочерью, а в это время убили ее мужа.

- Позвольте узнать, не случилось ли вам на этой неделе, во вторник или в среду, заходить в кафе... В вашем квартале...

- Мы с дочерью зашли в кафе после театра... Ее мучила жажда. Но мы задержались там недолго.

- В какое кафе?

- На улице Руаяль.

- Нет, я говорю о вторнике или среде и имею в виду бистро неподалеку от вашего дома...

- Не понимаю, о чем вы...

Мегрэ смущала роль, которую он вынужден был играть. Ему казалось, хотя точно он не был уверен, что удар тем не менее нанесен и что его собеседница должна призвать все свое хладнокровие, чтобы скрыть смятение.

Но это продолжалось лишь долю секунды, и она не отвела взгляда.

- Кто-то по какой-то причине мог назначить вам встречу неподалеку отсюда, например, на бульваре Монпарнас.

- Мне никто не назначал встреч...

- Не дадите ли вы мне какую-нибудь вашу фотографию?

Она едва не спросила: "Для чего вам она?" Но сдержалась и только прошептала:

- Полагаю, мне следует вам подчиняться.

Это напоминало тот момент, когда противники начинают атаковать друг друга. Она вышла из комнаты, зашла к себе в спальню, не закрывая двери, и было слышно, как она перебирает в ящике какие-то бумаги.

Вернувшись, она протянула фотографию четырех или пятилетней давности паспортного формата.

- Эта подойдет?

Мегрэ неторопливо положил фотографию в бумажник.

- Ваш муж играл на бегах, - изрек он.

- В таком случае, без моего ведома. А разве это запрещено?

- Нет, мадам, это не запрещено, но если мы хотим во что бы то ни стало найти убийцу, то обязаны знать о потерпевшем все. Три дня назад я не знал о существовании этого дома. Я не подозревал ни о вашем существовании, ни о вашем муже. Я просил у вас содействия...

- Я вам его оказала.

- Мне бы хотелось, чтобы вы были откровеннее...

Раз война была объявлена, он пошел в наступление:

- В ночь, когда произошло несчастье, я не стремился увидеть вас, потому что доктор Ларю сказал мне, что вы находитесь в очень плохом состоянии...

Вчера я пришел.

- Я приняла вас.

- И что вы мне сказали?

- То, что могла сказать.

- Это значит?

- То, что я знаю.

- Вы уверены, что поведали мне все? Вы уверены, что ваша дочь и зять ничего от меня не скрывают?

- Вы обвиняете нас во лжи?

Ее губы слегка дрожали. Вероятно, она делала страшное усилие, чтобы сохранять достоинство и гордо стоять перед Мегрэ. Только ее щеки слегка порозовели. Смущенный Лапуэнт не знал, куда ему смотреть.

- Нет, не во лжи, а в том, что вы что-то утаиваете.

Например, у меня есть точные доказательства, что ваш муж играл на тотализаторе...

- При чем здесь это?

- Если вы ничего об этом не знаете, если вы ни разу это не заподозрили, выходит, он мог что-то скрывать от вас. И если скрыл одно...

- Может быть, ему просто в голову не приходило рассказывать о таких вещах...

- Верно, если бы он играл раз или два случайно, но он-то был завсегдатаем и тратил на скачки несколько тысяч франков в неделю.

- К чему вы клоните?

- Вы произвели на меня впечатление, а затем и подтвердили его, что знаете все о своем муже и что со своей стороны у вас тоже не было от него секретов...

- Не понимаю, какое это имеет отношение к...

- Допустим, во вторник или в среду он с кем-то встречался в кафе на бульваре Монпарнас...

- Его там видели?

- По крайней мере, есть один свидетель, который в этом уверен.

- Возможно, он встретил старого приятеля или бывшего подчиненного и угостил его пивом...

- Вы же сказали, что в кафе он не ходил...

- Я не могу ручаться, что в подобной ситуации...

- И он вам ничего не рассказал?

- Нет.

- И не сказал, вернувшись: "Да, кстати, я встретил такого-то..."

- Не помню.

- А если бы сказал, вы бы запомнили?

- Вероятно.

- Ну а если бы вы сами встретили человека, которого знаете настолько, чтобы пойти с ним в кафе, и провели там минут десять, пока он пил виски...

У него на лбу выступил пот, он со злостью крутил в руках погасшую трубку.

- Я все-таки не понимаю...

- Простите, что побеспокоил... вероятно, мне придется прийти еще раз... прошу вас, подумайте. Кто-то убил вашего мужа и находится на свободе... Он может совершить новое убийство...

Она сильно побледнела, но сохранила спокойствие, проводила их к выходу, сухо кивнула на прощанье, затем заперла за ними дверь...

В лифте Мегрэ вытер лоб платком. Похоже, он старался не встречаться взглядом с Лапуэнттом, словно боясь прочесть упрек, и прошептал:

- Так было нужно.

Глава 6

Двое мужчин стояли на тротуаре в нескольких шагах от дома, как люди, которые никак не могут расстаться. Начал моросить мелкий, едва заметный дождь; мелодично зазвенели колокола в конце улицы, где-то вдалеке им вторили другие, затем вступили новые.

В двух шагах от Монпарнаса с его кабачками, за Люксембургским садом находился островок не только спокойствия и благоденствия, но и настоящее средоточие монастырей. Кроме монастыря Сестер милосердия, здесь находился монастырь Служанок Девы Марии, в двух шагах, на улице Вавен - монастырь Сестер храма Сиона, а в другом конце улицы Нотр-Дам-де-Шан - монастырь августинков.

Казалось, Мегрэ прислушивался к звону колоколов, впитывая влажный воздух, затем, вздохнув, сказал Лапуэнту:

- Слетай на улицу Сен-Готар. На такси доберешься за несколько минут. В субботу контора и цеха, вероятно, закрыты. Но если Жуан похож на своего бывшего хозяина, можно надеяться, что он на месте - заканчивает какую-нибудь срочную работу. Если его нет, найдешь консьержку или сторожа. Спроси его домашний телефон и позвони ему.

Мне нужно, чтобы ты принес фотографию в рамке, которую я видел у него в кабинете. Вчера, когда мы разговаривали, я машинально ее рассматривал, не подумав, что она может нам пригодиться. Это групповой снимок - Рене Жослен в центре, Жуан и, скорее всего, Гуле - слева и справа от него, другие сотрудники, мужчины и женщины, стоят во втором ряду, - всего человек тридцать. Там не все работницы, только те, кто давно здесь служит или самые лучшие. Вероятно, снимок сделан по случаю какого-нибудь юбилея или в связи с уходом Жослена на пенсию.

- Вы будете у себя в кабинете?

- Нет. Приходи в пивную на бульваре Монпарнас, где я уже был.

- Где эта пивная?

- По-моему, она называется франко-итальянской.

Рядом с магазином, где продают товары для художников и скульпторов.

И он пошел, ссутулясь, покуривая трубку, которая впервые за год имела привкус осени.

Ему было немного стыдно, что он так резко разговаривал с мадам Жослен. Он понимал, что эта история лишь начинается. Ведь только она могла что-то от него скрывать или лгать ему. А его ремесло состояло в том, чтобы узнавать истину.

Мегрэ всегда было тяжело опровергать чьи-то доводы. Впервые это произошло в детстве, когда он только пошел в школу в своей деревне Алье. Тогда он первый раз в жизни соврал. В школе ученикам раздавали уже не новые, более или менее потрепанные учебники, но у некоторых учеников были совсем новые книги, и он ужасно им завидовал.

Ему выдали катехизис в зеленоватой обложке, с уже пожелтевшими страницами, а дети из более зажиточных семей купили себе новые книги последнего издания в обложке заманчиво розоватого цвета.

- Я потерял катехизис... - сказал он как-то вечером отцу. - Я пожаловался учителю, и он выдал мне новый...

На самом же деле он его не терял, а спрятал на чердаке, не осмелившись выбросить.

В тот вечер он не мог заснуть, он чувствовал себя виноватым и не сомневался, что в один прекрасный день его обман выплывет наружу. Назавтра он уже пользовался новым учебником без всякой радости, а потом три или четыре дня страдал, пока не подошел к учителю, держа в руках книгу.

- Я нашел старый, - прошептал он пересохшим от волнения языком, весь красный от стыда, - отец велел мне отдать этот вам.

Он до сих пор помнит взгляд учителя - пронизательный и доброжелательный одновременно. Без сомнения, тот обо всем догадался, все понял.

- Доволен, что нашел?

- О да, господин учитель...

Он на всю жизнь сохранил благодарность учителю за то, что тот не заставил его сознаться во лжи и тем самым избавил от унижения.

Мадам Жослен тоже лгала, но она была не ребенком, а взрослой женщиной, матерью, вдовой. Вероятно, она была вынуждена лгать. А другие члены ее семьи тоже лгали по той или иной причине.

Мегрэ хотел протянуть ей руку, спасти ее от этого ужасного испытания - отбиваться от истины. Это были порядочные люди, ему хотелось в это верить, впрочем, он и не сомневался в этом. Ни мадам Жослен, ни Вероника, ни Фабр не убивали.

И все они тем не менее что-то скрывали, то, что, вероятно, позволило бы схватить убийцу.

Он взглянул на дома на противоположной стороне улицы и подумал, что потребуется по очереди опросить всех живущих здесь, тех, кто из окна мог наблюдать какую-нибудь интересную сцену накануне или в день смерти.

Жослен встретил какого-то мужчину (официант точно не помнил когда именно). Мегрэ скоро узнает, какая женщина приходила днем в пивную на свидание к тому же мужчине.

На сей раз Мегрэ пришел в пивную чуть попозже, и обстановка там изменилась. Посетители пили аперитив, и многие столики были накрыты скатертями и сервированы для обеда.

Мегрэ сел на то же место, что и утром. Официант, который тогда его обслуживал, подошел к нему, как к старому клиенту, и комиссар достал из бумажника фотографию.

- Это она?

Официант надел очки, чтобы рассмотреть маленький кусочек картона.

- Здесь она без шляпы, но я все равно почти уверен, что это та самая женщина...

- Почти уверены?

- Уверен. Вот разве что, если мне придется выступать свидетелем на суде перед судьями, адвокатами, которые начнут задавать кучу вопросов...

- Думаю, вам не придется выступать свидетелем.

- Это наверняка она или какая-то другая женщина, очень на нее похожая... Она была в темном шерстяном платье, не в чисто черном, а как бы с проседью, и в шляпе, отделанной белым.

По описанию платье походило на то, в котором была мадам Жослен не далее как этим утром.

- Где здесь телефон?

- В глубине зала, налево, напротив туалета. Возьмите жетон в кассе...

Мегрэ зашел в кабину и стал искать номер телефона доктора Ларю, хотя не был до конца уверен, что застанет врача дома. У него даже не было конкретной причины звонить ему.

Он просто решил отместить все второстепенные версии, как с фотографией из конторы на улице Сен-Готар. Он старался исключить все гипотезы, даже самые невероятные.

Ему ответил мужской голос.

- Это вы, доктор? Говорит Мегрэ.

- Я только что вернулся и подумал о вас.

- Почему?

- Не знаю. Подумал о следствии, которое вы ведете, вообще о вашей профессии... Вы случайно застали меня в такое время... По субботам я заканчиваю обход раньше, чем в остальные дни, поскольку большинство моих клиентов уезжает за город.

- Вас не затруднит зайти выпить со мной стаканчик во франко-итальянскую пивную?

- Знаю... Сейчас приду... У вас новости?

- Еще не уверен...

Маленький пухлый Ларю не соответствовал описанию спутника Жослена, которое дал официант. Жуан тоже, он был скорее рыжим и не походил на человека, привыкшего пить.

И все же Мегрэ не хотел упустить ни единого шанса.

Чуть позже врач уже выходил из машины и, войдя в зал, обратился к официанту, словно к старому знакомому:

- Как поживаете, Эмиль?.. Как шрамы?

- Почти незаметно... Порто, доктор?

Они знали друг друга. Ларю объяснил, что несколько месяцев назад лечил Эмиля, когда тот опрокинул на себя горячий кофейник.

- Другой раз, лет десять назад, он порезался сечкой... А как движется следствие, господин комиссар?

- Мне не очень-то помогают, - ответил тот с горечью.

- Вы имеете в виду семью?

- Мадам Жослен, в частности. Я бы хотел задать вам несколько вопросов на ее счет. Я уже спрашивал о ней вчера вечером. Меня беспокоят некоторые детали.

Насколько я понял, вы с женой были их единственными близкими друзьями...

- Это не совсем так... Как я уже говорил вам, я давно лечу эту семью, знал Веронику еще совсем крошкой... Но в то время меня приглашали к ним в дом лишь от случая к случаю...

- Когда же вы стали другом дома?

- Гораздо позже... Как-то раз, несколько лет назад, нас пригласили на ужин вместе с другими гостями. Там была чета Ансельм, я прекрасно их помню, знаменитые фабриканты шоколада... Вы, должно быть, знаете шоколад Ансельм... Они также производят драже для крестин...

- Вам показалось, что они близкие друзья Жосленов?

- Они были довольно дружны... Ансельм чуть старше... Жослен поставлял Ансельму коробки для шоколада и драже...

- Они сейчас в Париже?

- Это было бы странно... Сам Ансельм четыре-пять лет назад отошел от дел и купил виллу в Монако... Они живут там круглый год...

- Постарайтесь вспомнить, кто еще бывал у Жосленов?

Чаще всего мне доводилось встречать на улице Нотр-Дам-де-Шан неких Морне - у них две дочери, - сейчас они, кстати, совершают плавание где-то в районе Бермудских островов. Это торговцы бумагой...

В конечном счете Жослены бывали лишь у своих лучших клиентов и у некоторых поставщиков...

- Не помните мужчину лет сорока?

- Нет, пожалуй, не помню...

- Вы хорошо знаете мадам Жослен... Что вы можете о ней сказать?

- У нее очень слабые нервы, и, не скрою, я лечу ее всякими успокоительными, хотя она умеет поразительно владеть собой...

- Она любила мужа?

- Убежден в этом... У нее была довольно суровая юность, как я узнал... Отец рано овдовел, а был он человеком тяжелым, крайне сурового нрава...

- Они жили где-то неподалеку от улицы Сен-Готар?

- В двух шагах... На улице Даро... Она познакомилась с Жосленом, состоялась помолвка, и через год они поженились.

- А какова судьба отца?

- У него оказался рак, особенно мучительная форма, и несколько лет спустя он покончил с собой...

- Что бы вы сказали в ответ на предположение, что у мадам Жослен есть любовник?

- Я бы в это не поверил. Видите ли, в силу своей профессии, мне приходится хранить секреты многих семей. В этой среде число жен, изменяющих мужьям, гораздо меньше, чем можно предположить, исходя из книг или пьес. Я не стану утверждать, что эти женщины более добродетельны. Быть может, у них просто меньше возможностей или они боятся пересудов...

- Ей случалось одной уходить из дому днем?

- Как и моей жене, как и большинству женщин... Это вовсе не значит, что они отправляются куда-то в отель или, как поговаривали в старину, в гарсоньерку к любовнику... Нет, господин комиссар, если вы всерьез задаете мне этот вопрос, я отвечу вам решительно - нет... Вы на неверном пути...

- А Вероника?

- Мне хотелось бы повторить вам то же самое, но я предпочту промолчать... Это маловероятно... Но нельзя сказать, что абсолютно исключено... Она могла иметь какие-то приключения до свадьбы. Она училась в Сорбонне... В Латинском квартале и познакомилась с мужем... Должно быть, до него у нее были и другие... Вероятно, она несколько разочарована тем, как сложилась ее жизнь... Головой не поручусь... Она думала, что выходит за мужчину, а вышла за врача...

Понимаете?

- Да...

Этот разговор не продвинул его к истине. Это было просто топтание на месте. Мегрэ казалось, что он сбился с пути, и с мрачным видом он потягивал пиво.

- Но кто-то же убил Рене Жослена... - вздохнул он.

Пока что только этот факт не вызывал у него сомнений. И еще он твердо знал, что какой-то человек почти что тайком встречался с бывшим владельцем картонажной фабрики в том же самом кафе, где потом у него было свидание с мадам Жослен.

Другими словами, муж и жена что-то скрывали друг от друга. Что-то было связано с одним и тем же человеком.

- Не представляю, кто бы это мог быть... Простите, что не в силах вам помочь... Мне пора к жене и детям...

Тем временем в зал вошел Лапуэнт с плоским пакетом под мышкой и стал искать глазами Мегрэ.

- Жуан в конторе?

- Нет. И дома его тоже нет. Они уехали на выходные к какой-то родственнице за город... Я пообещал сторожу вернуть фотографию сегодня же, поэтому он не слишком возражал...

Мегрэ подозвал официанта и вытащил фотографию:

- Узнаете кого-нибудь?

Официант снова водрузил очки и пробежал глазами череду лиц:

- Разумеется, месье Жослен в центре... На фотографии он толще того человека, которого я видел здесь несколько дней назад, но это все равно он...

- А другие?.. Те, кто стоят справа и слева от него?

Эмиль покачал головой:

- Нет. Ни разу их не видел... Узнаю только его...

- Что будешь пить? - спросил Мегрэ у Лапуэнта.

- Все равно... - Он посмотрел на рюмку доктора, на дне которой темнела красноватая жидкость.
- Это порто?.. Официант, мне то же самое.

- А вам, господин комиссар?

- Больше ничего... спасибо... Думаю, мы здесь и перекусим...

Ему не хотелось ехать обедать на бульвар Ришар-Ленуар, и чуть позже они перешли в зал, где подавали обеды.

- Она ничего не скажет, - ворчал Мегрэ, заказав себе овощной суп. - Даже если я вызову ее на набережную Орфевр, она все равно будет молчать...

Он сердился на мадам Жослен, но в то же время жалел ее. Внезапно потеряв мужа при драматических обстоятельствах, перевернувших ее жизнь, она со дня на день должна была остаться одна в слишком большой для нее квартире, а тут еще полиция из-за чего-то ополчилась на нее.

Какую тайну стремилась она скрыть во что бы то ни стало? В конце концов, каждый имеет право на личную жизнь, на собственные тайны, но лишь до того дня, когда случается нечто драматическое, и тогда уже в это вмешивается государство.

- Как вы собираетесь действовать, патрон?

- Не знаю... Разумеется, отыскать этого человека...

Это не вор... Если это он пришел в тот вечер убить Жослена, должно быть, у него были на то, по его разумению, веские причины... Консьержка ничего не знает... За шесть лет, что она работает в этом доме, она ни разу не заметила какого-нибудь подозрительного посетителя... Возможно, это связано с еще более давними временами... Кажется, она упомянула, что бывшая консьержка, ее тетка, где-то доживает свой век... Не помню, где именно... Узнай у нее, разыщи эту женщину и допроси.

- А если она сейчас живет у черта на куличках? Где-нибудь в провинции?

- Что ж, дело стоит того, чтобы поехать туда или попросить местную полицию переговорить с ней... Разве что кто-то здесь, в Париже, наконец заговорит.

Теперь Лапуэнт отправился под мелким пронизывающим дождем, держа под мышкой застекленную фотографию. Тем временем Мегрэ ехал в такси на бульвар Брюн. Дом, в котором жили Фабры, был именно таким, как он себе представлял: большое унылое здание, построенное всего несколько лет назад, но уже порядком облупившееся.

- Доктор Фабр. На пятом слева. На двери медная табличка... Если вы к мадам Фабр, то она только что вышла... Наверное, поехала к матери разослать наконец извещения о смерти.

Он неподвижно стоял в слишком тесной для него кабине лифта, затем отыскал нужную дверь и нажал на кнопку звонка. Невысокого роста горничная, открывшая ему дверь, сразу же по привычке посмотрела вниз, словно ища глазами ребенка.

- Вы к кому?

- К доктору Фабру.

- Сейчас он принимает больных.

- Будьте добры, передайте ему мою визитную карточку. Я надолго его не задержу.

- Пожалуйста, сюда...

Она открыла дверь приемной, где сидело с полдюжины мамаш и детей всех возрастов. Все, как один, посмотрели на него.

Он опустился на стул, испытывая некоторую неловкость. На полу были разбросаны кубики, на столе лежали книжки с картинками. Одна из женщин качала на руках младенца, ставшего почти фиолетовым от крика, и непрерывно поглядывала на дверь кабинета. Мегрэ догадывался, что они думают: "Неужели он вызовет его без очереди?"

Но в его присутствии они молчали. Ожидание длилось около десяти минут, и, когда доктор открыл наконец дверь кабинета, он сразу же обратился к комиссару.

Фабр был в очках с толстыми стеклами, за которыми был еще заметнее усталый взгляд.

- Входите... Простите, что не могу уделить вам много времени... Вы не к жене? Она у матери.

- Знаю.

- Садитесь.

В кабинете стояли детские весы, застекленный шкафчик с никелированными инструментами и нечто вроде мягкой кушетки, накрытой простыней и клеенкой. На письменном столе были беспорядочно свалены бумаги, а стопки книг лежали на камине и даже на полу в углу комнаты.

- Слушаю вас.

- Простите, что беспокою в разгар приема, но я хотел поговорить с вами без свидетелей.

Фабр нахмурил брови.

- Почему без свидетелей? - спросил он.

- По правде сказать, не знаю. Я нахожусь в довольно затруднительном положении, и мне казалось, что вы сможете мне помочь... Вы регулярно бываете в доме родителей жены... Знаете их друзей...

- У них очень мало друзей...

- Не доводилось ли вам встречать у них в доме темноволосого мужчину лет сорока, приятной наружности?

- А о ком идет речь?

Было похоже, что и он занял оборонительную позицию.

- Не знаю. У меня есть причины считать, что и ваш тесть, и ваша теща были знакомы с человеком, который соответствует этому схематическому описанию.

Доктор через очки устремил взгляд на какую-то точку в пространстве, и Мегрэ, дав ему некоторое время на раздумье, наконец вышел из терпения:

- Ну, так что?

Фабр снова очнулся ото сна:

- Что? Что вы хотите узнать?

- Вы его знаете?

- Я не знаю, о ком вы говорите. Чаще всего я ходил к ним по вечерам, и мы проводили время вдвоем с тестем, пока женщины ходили в театр.

- И все-таки вы должны знать их друзей.

- Некоторых... Но не всех...

- Я думал, что они редко принимали гостей.

- Да, очень редко...

Это было невыносимо. Он без конца отводил взгляд, лишь бы не встречаться глазами с комиссаром. Было похоже, что для доктора этот разговор - тяжкое испытание.

- Моя жена гораздо чаще, чем я, бывала у родителей... Теща приходила к нам почти ежедневно... Я в это время либо бывал в больнице, либо принимал здесь...

- Вам известно, что месье Жослен играл на скачках?

- Нет. Я считал, что днем он редко выходит из дому.

- Он играл на тотализаторе...

- А!

- Похоже, что его жена тоже не знала об этом. Выходит, он не всем с ней делился...

- А с какой стати он стал бы говорить со мной? Я ведь прихожусь ему только зятем.

- Со своей стороны, мадам Жослен тоже что-то скрывала от мужа.

Он не возражал. Казалось, он внушал себе, как на приеме у зубного врача: еще немного, и все будет позади...

- На этой неделе, не то во вторник, не то в среду, она встречалась днем с каким-то мужчиной в кафе на бульваре Монпарнас.

- Это веди меня не касается, правда?

- Вы не удивлены?

- Наверное, у нее были причины для этой встречи...

- Месье Жослен виделся с тем же мужчиной в том же кафе утром, и похоже, они были хорошо знакомы...

Это вам ни о чем не говорит?

Доктор выдержал паузу, а потом со скучающим видом покачал головой.

- Послушайте, месье Фабр. Я понимаю всю сложность вашего положения. Как и любой человек, который вступает в брак, вы вошли в новую, доселе незнакомую вам семью, членом которой вы, так или иначе, теперь являетесь. У этой семьи есть свои маленькие тайны, это неизбежно. Я ни за что не поверю, что вам не доверили хотя бы некоторые из них. Пока преступление не было совершено, все это не имело значения.

Но теперь, когда вашего тестя убили, а вы сами едва не попали под подозрение...

Доктор не стал возражать, вообще никак не реагировал. Словно их разделяла стеклянная стена, через которую не доносились слова.

- Речь не о том, что называется "убийство с целью ограбления". И вовсе не вор, застигнутый на месте преступления, убил Рене Жослена. Человек знал эту квартиру не хуже вас, знал привычки ее обитателей, знал, где что лежит. Он знал, что ваша жена и ее мать пошли в театр в тот вечер, а вы останетесь коротать время с тестем. Он знал, где вы живете, и, скорее всего, именно он позвонил вам домой, чтобы прислуга передала вам вызов на улицу Жюли. Вы согласны со мной?

- Да, это похоже на правду...

- Вы сами сказали, что Жослены редко приглашали гостей и что у них не было близких друзей.

- Я понимаю...

- Вы готовы поклясться, что не догадываетесь, о ком идет речь?

Уши доктора стали пунцовыми, а лицо приняло еще более усталое выражение.

- Извините меня, господин комиссар, но там ждут дети...

- Вы отказываетесь говорить?

- Если бы я мог сообщить вам что-то конкретное...

- Вы хотите сказать, что у вас есть какие-то неясные подозрения?

- Думайте, как вам угодно... Не забывайте, что моя теща только что перенесла страшный удар, а она человек очень эмоциональный, несмотря на то что умеет владеть своими эмоциями... - Он пошел к двери, ведущей в коридор. - Не сердитесь на меня...

Мегрэ не протянул ему руки, довольствовавшись лишь кивком, а неизвестно откуда появившаяся горничная проводила комиссара до входной двери.

Он был зол не только на молодого педиатра, но и на себя самого, ибо не правильно взялся за этот допрос.

Ведь Фабр был единственным членом этой семьи, который мог что-то сказать, а Мегрэ не сумел заставить его говорить.

Впрочем, нет! Одно он узнал: Фабр даже глазом не моргнул, когда комиссар упомянул о встрече его тещи и незнакомца в кафе. Доктор не удивился. Он также был спокоен, услышав, что Жослен встречался с тем же человеком в полумраке пивной.

Комиссар шел по тротуару в надежде поймать такси, но все они проходили мимо с опущенным флажком.

Дождик перешел в настоящий ливень, и по улице побежали мутные потоки.

Если этот мужчина по очереди встречался с Рене Жосленом и его женой...

Он попытался рассуждать логически, но у него не хватало доводов... А может быть, незнакомец встречался и с дочерью? Или с самим доктором Фабром? И почему вся семья старалась умолчать о существовании этого человека?

- Эй, такси.

Наконец показалась свободная машина, и он торопливо влез в нее.

- Поезжайте прямо...

Он еще не знал, куда поедет. Первой мыслью было вернуться на набережную Орфевр, в свой кабинет, запереться там и поворчать всласть. Интересно, нашел ли Лапуэнт что-нибудь новое? Ему казалось, хотя уверен он не был, что бывшая консьержка уехала из Парижа и жила не то в Шарантоне, не то в Центральном районе.

Шофер медленно вел машину, время от времени с любопытством поворачиваясь к клиенту.

- А куда ехать от светофора?

- Налево...

- Как угодно...

И внезапно Мегрэ решил:

- Отвезите меня на улицу Даро...

- Куда именно? Она длинная.

- Угол улицы Сен-Готар...

- Ясно...

Мегрэ исчерпывал одну возможность за другой. Ему пришлось вытащить записную книжку и найти девичью фамилию мадам Жослен - де Лансье... Он помнил, что ее отец был полковником в отставке.

- Простите мадам, сколько лет вы служите консьержкой в этом доме?

- Восемнадцать лет, господин хороший, а от этого моложе не становишься.

- Вы не знаете, где-то здесь поблизости жил полковник в отставке по фамилии Лансье с дочерью?

- Даже не слыхала...

Второй дом, третий... Первая консьержка - женщина средних лет, была слишком молода, вторая не помнила, а третьей было не больше тридцати.

- А номер дома не знаете?

- Нет. Знаю только, что где-то недалеко от улицы Сен-Готар.

- Спросите в доме напротив... Консьержке там не меньше семидесяти... Говорите погромче, она глуховата...

Ему пришлось почти кричать. Она покачала головой:

- Полковника не помню, у меня совсем памяти не стало. После того как муж попал под грузовик, я уже не та.

Мегрэ собирался продолжать поиски, но она окликнула его:

- А почему бы вам не спросить у мадемуазель Жанны?

- Кто это?

- Она живет в этом доме лет сорок. Теперь уже не выходит, у нее больные ноги... Поднимитесь на седьмой, в глубине коридора, дверь никогда не заперта...

Постучите и входите... Она сидит в кресле у окна.

И в самом деле, он увидел там маленькую старушку, всю сморщенную, но с розовыми щечками и почти детской улыбкой.

- Лансье? Полковник? Ну как же! Прекрасно помню... Они жили на третьем этаже слева... У них была старая служанка... очень сварливая, она еще не могла поладить ни с кем из торговцев, и в конце концов ей пришлось делать покупки в другом квартале...

- У полковника была дочь, ведь так?

- Брюнетка, очень болезненная девушка. И брат тоже, бедняжка, его даже послали в горы - лечиться от туберкулеза.

- Вы уверены, что у нее был брат?

- Так же уверена, как то, что сейчас вас вижу. А вижу я вас очень хорошо, несмотря на годы. Почему бы вам не присесть?

- Не знаете, что с ним стало?

- С кем? С полковником? Пустил себе пулю в лоб, что здесь в доме тогда творилось... В нашем квартале такое стряслось впервые. Он тоже болел, говорят, рак... Но я все-таки не одобряю, чтобы в себя стрелять...

- А сын?

- Что?

- Что с сыном стало?

- Не знаю... Последний раз видела его на похоронах...

- Он был моложе сестры?

- Лет на десять...

- Ничего о нем больше не слышали?

- Знаете, в таком доме люди вселяются и съезжают... Если посчитать всех, кто жил в их квартире с тех пор... Это вы молодым человеком интересуетесь?

- Он теперь уже не молодой.

- Если вылечился, тогда, конечно, уже не молодой... Наверное, женат, сам детишками обзавелся. - И добавила с хитрым огоньком в глазах:

- Я-то замужем никогда не была. Вот потому и доживу до ста лет... Не верите? Приходите меня проведать лет через пятнадцать... Обещаю, что буду сидеть в этом кресле...

А вы каким ремеслом занимаетесь?

Мегрэ решил, что не станет волновать старушку, и только сказал, надевая шляпу:

- Да я все ищущу...

- Тогда вас не упрекнешь, что вы ищете поблизости... Поспорить могу, что ни одна душа на нашей улице не вспомнит, кто такие Лансье... Это что, из-за наследства? Тому, кто его получит, повезло, что вы на меня напали... Так ему и передайте. Может, он тогда смекнет прислать мне чего-нибудь сладенького.

Через полчаса Мегрэ уже сидел в кабинете следователя Госсара. Он выглядел успокоившимся, но мрачным... Говорил тихо, не торопясь.

Чиновник слушал его с серьезным видом, и, когда рассказ был закончен, наступило долгое молчание, и слышно было, как из водосточной трубы Дворца правосудия льется вода.

- Что вы хотите предпринять?

- Вызвать их всех сегодня вечером на набережную Орфевр. Это будет проще, да и не так тягостно, как у них дома.

- Думаете, они заговорят?

- Кто-нибудь в конце концов заговорит.

- Делайте, как решили...

- Благодарю.

- Не хотел бы быть на вашем месте... И все-таки будьте поделикатнее... Не забудьте, что ее муж...

- Не забуду, не беспокойтесь. Именно поэтому я и вызываю их к себе в кабинет...

Четвертая часть парижан была еще в отпуске, на пляжах или в деревне. Другие открывали охотничий сезон. Третьи ездили на машинах, подыскивая уголок, где бы провести уик-энд.

Ну а Мегрэ медленно шел по длинному пустынному коридору, направляясь к своему кабинету.

Глава 7

Было без пяти шесть. По случаю субботы большинство кабинетов было заперто, а в глубине пустого коридора один-единственный посетитель томился перед какой-то дверью, спрашивая, не забыли ли о его существовании. Начальник уголовной полиции только что уехал, предварительно пожав руку Мегрэ.

- Попытайтесь закончить дело сегодня вечером?

- Чем быстрее, тем лучше. Возможно, завтра приедут родственники из провинции, ведь у них наверняка есть какие-нибудь дальние родственники. На понедельник назначены похороны, так что этот день тоже отпадает.

Уже прошел час, как Мегрэ вышагивал из угла в угол в своем кабинете, руки за спиной, беспрерывно курил и готовился к последнему, как он надеялся, разговору. Он не любил заранее продуманные мизансцены, а предпочитал запросто рассаживать людей, как в ресторане. При этом, однако, он всегда старался не упустить ни единой детали.

В половине шестого, отдав необходимые распоряжения, он вышел в пивную "У дофины". По-прежнему шел дождь. Было сумрачно. Он выпил не одну, а две кружки, одну за другой, словно предполагал, что теперь ему долго не представится такой случай.

Когда он вернулся в кабинет, ему оставалось лишь ждать. Наконец в дверь постучали, и первым зашел взволнованный, оживленный Торранс, преисполненный важностью предстоящего, как и всякий раз, когда ему поручали особо деликатное дело. Он осторожно запер за собой дверь и с видом победителя провозгласил:

- Они здесь!

- В приемной?

- Да. Кроме них, там никого нет. Кажется, они удивлены, что вы заставляете их ждать, особенно мать.

По-моему, ее это задевает.

- Как все происходило?

- Когда я пришел туда, мне открыла служанка.

Я представился, а она вздохнула: "Еще один!" Дверь в гостиную была закрыта. Мне пришлось довольно долго ждать в прихожей, я слышал, как они перешептывались, но слов разобрать не мог. Наконец, не меньше чем через полчаса, дверь открылась, и я увидел, что оттуда вышел священник. Мать проводила его до дверей квартиры. Она смотрела на меня так, словно не могла вспомнить, кто я такой, потом пригласила войти. Дочь сидела в гостиной, у нее были красные глаза, как будто она плакала.

- Что сказала мадам Жослен, увидев повестку?

- Она дважды ее перечитала. У нее слегка дрожали руки. Потом передала ее дочери. Та тоже прочла и взглянула на мать с таким видом, словно хотела сказать: "Я в этом не сомневалась. Я тебя предупреждала". Все это происходило как в кино при замедленной съемке, и мне было как-то не по себе.

"Нам необходимо ехать туда?" - спросила дочь.

Я ответил утвердительно. "С вами?" - продолжала она. "Вообще-то я оставил внизу машину, но если вы предпочитаете взять такси..."

Они вполголоса посоветовались, казалось, приняли какое-то решение и попросили меня несколько минут подождать.

Я опять довольно долго ждал в гостиной, пока они собирались. Они позвали служанку, которая была в столовой, и та пошла к ним в комнату.

Когда они вышли, обе были уже в пальто и шляпах и натягивали перчатки. Служанка спросила, ждать ли их к ужину, а мадам Жослен ответила, почти не разжимая губ, что не знает.

Они сели сзади и, пока мы ехали, не проронили ни слова. В зеркало мне была видна дочь, и мне показалось, что она волнуется больше, чем мать. Что мне теперь делать?

- Пока ничего. Подождите меня в вашем кабинете.

Затем вошел Эмиль - официант из кафе. В костюме и плаще он выглядел гораздо старше.

- Я попрошу вас подождать вон там.

- Не очень долго, шеф? В субботу вечером всегда много работы, и приятели будут злиться, если им придется вкалывать за меня.

- Я вас вызову буквально на несколько минут.

- Мне не придется выступать свидетелем на суде?

Это точно?

- Точно.

Час назад Мегрэ позвонил доктору Фабру. Тот молча выслушал и сказал:

- Я постараюсь быть у вас. Все будет зависеть от больных...

Он приехал в пять минут седьмого и, проходя, увидел обеих женщин через застекленную перегородку приемной. Мегрэ тоже пошел взглянуть на эту комнату с зелеными креслами, три стены которой были увешаны фотографиями полицейских, погибших на боевом посту. Электрический свет горел здесь круглые сутки. Обстановка была унылой, безрадостной. Он вспомнил, как здесь долгими часами оставляли томиться некоторых подозреваемых, словно забывая, что они ждут, для того чтобы окончательно сломить их сопротивление.

Мадам Жослен сидела на своем стуле неподвижно, очень прямо, а дочь то вставала, то снова садилась.

- Входите, месье Фабр...

Получив приглашение явиться сюда, врач, видимо, приготовился к тому, что дело приняло новый оборот, и выглядел встревоженным.

- Я пришел так быстро, как только смог, - сказал он.

Он был без шляпы, без плаща, чемоданчик, вероятно, оставил в машине.

- Садитесь... Я недолго вас задержу...

Мегрэ уселся за стол напротив, медленно раскурил трубку и произнес с мягкой укоризной:

- Почему же вы не сказали, что у вашей жены есть дядя?

Должно быть, Фабр ждал этого вопроса, но уши у него все равно вспыхнули, как, вероятно, случилось всякий раз, когда он волновался.

- Но вы у меня не спрашивали... - ответил он, стараясь выдержать взгляд комиссара.

- Я просил вас назвать тех, кто бывал у родителей вашей жены...

- Он там не бывал.

- Означает ли это, что вы никогда его не видели?

- Да.

- Он не присутствовал на вашей свадьбе?

- Нет. Я знаю о его существовании по рассказам жены, но на улице Нотр-Дам-де-Шан о нем никогда не упоминали, во всяком случае в моем присутствии.

- Будьте откровенны, месье Фабр... Когда вы узнали, что ваш тесть умер, что его убили, когда вам стало известно, что убийца воспользовался пистолетом вашего тестя и что он действовал как человек, который прекрасно ориентируется в этом доме, вы сразу же о нем подумали?

- Не сразу...

- А что вас натолкнуло на эту мысль?

- Поведение тещи и жены...

- Жена говорила с вами о нем позже, когда вы остались вдвоем?

Он ответил после некоторого раздумья:

- Мы очень мало бывали вдвоем все это время.

- Она вам ничего не сказала?

- Сказала, что боится...

- Чего?

- Она не уточняла... Главным образом она думала о матери... Я ведь только зять... Меня соблаговолители взяли в семью, но все-таки я не считаюсь полноправным членом. Мой тесть был ко мне весьма великодушен... Мадам Жослен обожает моих детей. И все же есть вещи, которые меня не касаются.

- Вы полагаете, что после вашей свадьбы дядя жены ни разу не появлялся в этом доме?

- Я знаю только, что между ними произошла какая-то ссора, что его жалели, но принимать у себя не могли по каким-то причинам, докапываться до которых я не старался... Жена говорила о нем скорее как о бедняге, заслуживающем сожаления, чем порицания, как о полусумасшедшем, если хотите...

- Это все, что вам известно?

- Все. Вы будете допрашивать мадам Жослен?

- Я обязан это сделать.

- Будьте с ней не очень жестоки. Внешне она умеет владеть собой, но это весьма обманчиво, хотя многим она кажется женщиной с сильным характером.

Я-то знаю, что она не только болезненно чувствительна, но и не способна проявлять свои чувства. Боюсь, что после смерти мужа у нее в любой момент могут сдать нервы...

- Я постараюсь обращаться с ней как можно мягче.

- Благодарю вас... Это все?

- Возвращаю вас вашим больным.

- Можно мне сказать несколько слов жене?

- Лучше, если вы не будете с ней разговаривать, а особенно с тещей.

- В таком случае передайте ей, что, если меня не будет дома, когда она вернется, значит, я в больнице... Когда я уходил, мне позвонили... Возможно, мне придется оперировать... - Уже дойдя до двери, он вдруг что-то вспомнил и вернулся. - Простите за мой нелюбезный прием... Подумайте, в каком положении я оказался... Меня радушно приняли в чужую семью...

В этой семье, как и в любой, есть свои несчастья.

Я не счел себя вправе...

- Я вас понимаю, месье Фабр.

Еще один порядочный человек, без сомнения! Вероятно, даже больше, чем просто порядочный, если верить тем, кто его знает. И на сей раз мужчины обменялись рукопожатиями.

Мегрэ открыл дверь кабинета инспекторов, где находился Эмиль, и пригласил его войти.

- Что я должен делать?

- Ничего. Оставайтесь здесь, у окна, я, видимо, задам вам один вопрос, а вы ответите на него.

- Даже если вы ждете другой ответ?

- Вы скажете правду.

Мегрэ пошел за мадам Жослен, которая встала одновременно с дочерью.

- Пройдите, пожалуйста, за мной. Нет, только вы...

Я приглашу мадам Фабр чуть попозже...

Она была в черном платье с редким серым узором, в черной шляпе, отделанной белыми перышками, и в легком пальто из верблюжьей шерсти.

Мегрэ пропустил ее вперед, и она сразу же увидела стоящего у окна мужчину, который от смущения мямлил в руках шляпу. Казалось, она была удивлена и повернулась к комиссару, но тот молчал, и она спросила:

- Кто это?

- Не узнаете?

Она внимательно оглядела его и покачала головой:

- Нет.

- А вы, Эмиль, узнаете эту даму?

Охрипшим от волнения голосом официант ответил:

- Да, господин комиссар, это она.

- Это та самая дама, которая пришла в начале недели днем во франко-итальянскую пивную, где ее ждал мужчина лет сорока? Вы уверены?

- Она была в этом же платье и этой шляпе... Я же говорил вам утром...

- Благодарю вас. Вы свободны.

Эмиль бросил на мадам Жослен взгляд, словно просил прощения за содеянное.

- Я вам больше не нужен?

- Думаю, что нет.

Они остались в кабинете вдвоем, и Мегрэ указал ей на кресло, стоявшее напротив его письменного стола.

- Вы знаете, где сейчас ваш брат? - спросил он тихо.

Она посмотрела прямо на него темными, блестящими глазами, как и прежде, у себя дома, но на сей раз в ней не чувствовалось такого нервного напряжения.

Казалось, она даже испытывала некоторое облегчение.

Особенно это стало заметно, когда она решила сесть в кресло. Словно она наконец отказалась от роли, которую играла против своего желания.

- Что вам сказал мой зять? - спросила она, отвечая вопросом на вопрос.

- Почти ничего... Он только подтвердил, что у вас есть брат, впрочем, я это и без него уже знал...

- От кого?

- От очень почтенной дамы лет девяноста, которая до сих пор живет на улице Даро, в том доме, где вы раньше жили с отцом и братом...

- Это должно было случиться, - еле слышно произнесла она.

Он повторил свой вопрос:

- Вы знаете, где он сейчас?

Она покачала головой:

- Нет. И клянусь вам, что говорю правду. До прошлой недели я вообще была уверена, что он где-то далеко от Парижа.

- Он никогда не писал вам?

- С тех пор как перестал у нас бывать, ни разу.

- Вы сразу же поняли, что это он убил вашего мужа?

- Я и сейчас в этом не уверена... Не могу поверить...

Я знаю, все улики против него...

- Почему вы молчали, принудили к этому дочь и стремились во что бы то ни стало спасти его?

- Прежде всего потому, что это мой брат, потому, что он несчастный человек... Ну а потом, я в какой-то мере чувствую себя виноватой...

Она достала из сумки носовой платок, но не для того, чтоб вытереть глаза, - они по-прежнему были сухими и горели, словно от внутренней лихорадки.

Продолжая говорить и слушая вопросы комиссара, она машинально скручивала его в комок своими тонкими пальцами.

- Теперь я готова все вам рассказать...

- Как зовут вашего брата?

- Филипп... Филипп де Лансье... Он на восемь лет младше меня...

- Если не ошибаюсь, он подростком провел какое-то время в санатории в горах?

- Нет, не подростком... Ему было всего пять лет, когда у него обнаружили туберкулез. Врачи отправили его в Верхнюю Савойю, он жил там до двенадцати лет.

- Мать уже умерла?

- Она умерла через несколько дней после его рождения... Это многое объясняет... Вероятно, то, что я сейчас вам расскажу, завтра появится во всех газетах?

- Обещаю вам, что нет. Что объясняет смерть вашей матери?

- Отношение отца к Филиппу и вообще его отношение к жизни все оставшееся время... После смерти матери отец стал другим человеком, и я уверена в том, что пусть невольно, но он всегда считал Филиппа виновником ее смерти... К тому же он стал пить... Он вскоре подал в отставку, хотя у него не было никаких сбережений, и мы были очень стеснены в средствах...

- Пока ваш брат находился в горах, вы вместе с отцом жили на улице Даро?

- С нами до последних дней жила старая служанка, она уже умерла...

- А когда вернулся Филипп?

- Отец поместил его в закрытое религиозное учебное заведение в Монмаранси, и он приезжал к нам только на каникулы... В четырнадцать лет он сбежал оттуда, и через два дня его задержали в Гавре, куда он добрался автостопом. Он говорил всем, что торопится в Гавр, потому что его мать при смерти... У него вошло в привычку рассказывать всякие небылицы...

Он придумывал какие-то несусветные истории, ему верили, и в конце концов он сам начинал в них верить...

Поскольку его не согласились принять обратно в Монмаранси, отец отдал его в другой коллеж, неподалеку от Версаля. Филипп учился там, когда я познакомилась с Рене Жосленом. Мне было двадцать два года...

Теперь носовой платок походил на веревку, и она дергала его за концы, а у Мегрэ погасла трубка, но он этого даже не заметил.

- Тогда-то я и совершила ошибку, за которую не перестаю себя корить. Я думала только о себе...

- Вы колебались, выходить ли вам замуж?

Она смотрела на него, не зная, что сказать.

- Я впервые произношу вслух то, о чем до сих пор только думала... Жизнь с отцом становилась все тягостнее, он уже был болен, хотя мы этого еще не знали... Я, правда, понимала, что долго он не проживет и что очень скоро я стану необходима Филиппу. Видите ли, я не должна была выходить замуж... Я говорила об этом Рене.

- Вы работали?

- Отец запрещал мне работать, поскольку считал, что девушке не место в конторе... Однако я намеревалась пойти работать, когда буду жить с братом... Но Рене настаивал... Ему было тридцать пять лет... Он был уже сложившимся человеком, и я в него верила...

Он сказал мне, что, если что случится, он будет заботиться о Филиппе, будет относиться к нему, как к сыну, и я в конце концов согласилась. Мне не следовало этого делать... Это было уступкой... Но мне так хотелось вырваться из тягостной домашней обстановки, освободиться от ответственности... У меня было предчувствие...

- Вы любили мужа?

Она посмотрела Мегрэ прямо в глаза и ответила с вызовом в голосе:

- Да, господин комиссар... Я любила его до последнего дня... Это был человек... - У нее впервые задрожал голос, и она отвернулась. - И все равно, всю свою жизнь я считала, что должна была принести это в жертву... Когда через два месяца после свадьбы врач сообщил мне, что у отца неоперабельный рак, я сочла, что это возмездие.

- Вы сказали об этом мужу?

- Нет. Я впервые говорю с вами обо всем этом, и только потому, что если это действительно сделал мой брат, то мой рассказ - единственный способ как-то оправдать его... Если будет нужно, я повторю это на суде. Вопреки тому, что вы думаете, мне безразлично, что скажут люди...

Она оживилась, а ее руки были в беспрестанном движении. Она снова открыла сумочку и достала небольшую металлическую коробочку.

- У вас нет стакана воды? Мне лучше принять лекарство, которое прописал доктор Ларю.

Мегрэ открыл стеной шкаф, в котором хранились графин с водой, стакан и даже бутылка коньяку, который иной раз бывал весьма кстати.

- Благодарю вас... Я стараюсь оставаться спокойной... Все считают меня очень выдержанной, даже не догадываясь, как дорого мне все это дается... Так о чем я говорила?

- О вашем замужестве... Брат был тогда в Версале...

Отец...

- Да... Брат учился в Версале всего год, потом его оттуда выгнали.

- Он снова сбежал?

- Нет. Но он был недисциплинированный, и учителя ничего не могли с ним поделать...

Понимаете, я ни разу не жила с ним длительное время, чтобы узнать его поближе. Я уверена, что по натуре он не плохой. Его подводит воображение. Может быть, виной тому детство в санатории, когда он почти все время был прикован к постели и чувствовал себя покинутым? Помню, однажды он исчез, и я обнаружила его лежащим на полу чердака. "Что ты здесь делаешь, Филипп?" - "Рассказываю себе разные истории..." Увы, он их рассказывал не только себе. Я сказала отцу, что

мы заберем его к себе домой. Рене не возражал. Он первый мне это предложил. Отец не захотел и отдал его в другой пансион, на сей раз в Париже. Филипп навещал нас на улице Нотр-Дам-де-Шан каждую неделю. Мы уже жили там. Муж действительно относился к нему, как к сыну... Но скоро родилась Вероника...

Тихая, красивая улица, удобная квартира, в окружении монастырей, в двух шагах от тенистых аллей Люксембургского сада. Порядочные люди. Процветающее дело. Счастливая семья...

- Как вы знаете, мой отец...

- Где это случилось?

- На улице Даро. В кресле. Он надел мундир и поставил перед собой только мамину и мою фотографии.

- А что стало с Филиппом?

- Он кое-как учился. Два года жил у нас. Было ясно, что ему не получить степени бакалавра, и Рене хотел взять его к себе в дело.

- Какие отношения установились между вашим братом и мужем?

- Рене проявлял бесконечное терпение... Он скрывал от меня как мог выходки Филиппа, а тот этим пользовался... Он не терпел никакого принуждения, никакой дисциплины... Часто он не приходил к обеду, являлся домой в любое время ночи, и всегда у него была наготове очередная история... Началась война...

Филиппа исключили из новой школы, и мы с мужем, хотя и не говорили между собой на эту тему, были очень обеспокоены его судьбой... Думаю, что и у Рене были своего рода угрызения совести... Возможно, останься я на улице Даро...

- Я так не считаю, - серьезно сказал Мегрэ. - Согласитесь, что ваше замужество никак не повлияло на развитие событий...

- Вы так думаете?

- За годы моей службы мне доводилось видеть десятки судеб, схожих с судьбой вашего брата, хотя тем людям не было таких оправданий, как Филиппу.

Ей очень хотелось ему поверить, но она еще не могла решиться.

- А что было во время войны?

- Филипп пошел на фронт добровольцем. Ему едва исполнилось восемнадцать, но он так настаивал, что мы в конце концов уступили. В мае 1940-го его взяли в плен в Арденнах, и мы долго не имели от него никаких известий. Всю войну он провел в Германии, сначала в лагере, потом на ферме возле Мюнхена. Мы надеялись, что он вернется другим человеком.

- Но остался тем же?

- Внешне он действительно изменился, стал настоящим мужчиной, я едва его узнала. Жизнь на воздухе пошла ему на пользу, он стал крепким, сильным. Но после первых же рассказов мы поняли, что в душе он все равно остался мальчишкой, который убегал из школы и выдумывал всякие небылицы. По его словам, с ним произошли самые невероятные приключения. Он три или четыре раза бежал из плена при самых немыслимых обстоятельствах. Потом он жил, что, впрочем, вполне вероятно, как с женой, с хозяйкой фермы, у которой работал, и утверждал, что у них родилось двое детей. У нее был еще один от мужа... Муж, по словам Филиппа, был убит на Восточном фронте. Брат поговаривал о том, чтобы вернуться туда, жениться на фермерше и остаться в Германии... Потом, через месяц, у него возникли другие планы... Его манила Америка, и он утверждал, что завязал знакомство с агентами секретной службы, которые ждали его с распростертыми объятиями.

- Он не работал?

- Муж, как и обещал, дал ему место на улице Сен-Готар.

- Он жил у вас?

- Всего три недели, а потом переехал к какой-то официантке из ресторана, недалеко от Сен-Жермен-де-Пре... Снова говорил о женитьбе... Всякий раз, когда у него появлялось новое увлечение, он строил планы насчет женитьбы. "Понимаешь, она ждет ребенка, и если я не женюсь, то буду подлецом..." Я уже не говорю о детях, которые, если ему верить, росли по всему свету.

- Это было ложью?

- Муж пытался проверить. И ни разу не получил неопровержимых доказательств. Всякий раз это был повод, чтобы снова вытянуть деньги. Очень скоро я догадалась, что он ведет двойную игру. Он поверял мне свои тайны, умолял помочь ему. Всякий раз он просил небольшие суммы, чтобы выпутаться, а потом, по его словам, все должно было уладиться.

- Вы давали ему эти суммы?

- Почти всегда уступала. Он знал, что у меня нет в наличии крупных денег. Но муж мне ни в чем не отказывал. Он давал мне на расходы и не требовал отчета.

Тем не менее я не могла без его ведома брать слишком большие суммы. Тогда хитрый Филипп тайком шел к Рене. Он рассказывал ему ту же историю или другую, заклиная не говорить мне...

- Как ваш брат ушел с фабрики на улице Сен-Готар?

- Обнаружилось, что он мошенничает. Самое ужасное, что он обращался к крупным клиентам, требуя у них денег от имени мужа.

- И тот в конце концов не выдержал?

- У них был долгий разговор. Вместо того чтобы дать ему некоторую сумму - отступные - муж ежемесячно переводил ему через банк пособие на жизнь...

Полагаю, вы догадались, чем это кончилось?

- Он снова пришел к вам за деньгами?

- И всякий раз мы его прощали. Всякий раз он искренне обещал начать новую жизнь. И мы снова открывали перед ним дверь... Потом, совершив очередной бесчестный поступок, он исчезал... Он жил в Бордо.

Клялся, что женился, что у него родилась дочь, но, даже если это была правда, у нас нет никаких доказательств, кроме фотографии его жены, впрочем, это могла быть фотография кого угодно. Так вот, даже если это и была правда, он скоро бросил жену и дочь и уехал в Брюссель... По его словам, разумеется, там ему угрожали тюрьмой, и муж послал ему деньги. Не знаю, поймете ли вы меня... Это трудно, когда его не знаешь... Он всегда казался таким искренним, а может быть, и правда был таким... По натуре он не плохой.

- И все-таки это он убил вашего мужа.

- Пока у меня не будет доказательств и пока он в этом не признается, я не могу поверить... Я всегда буду сомневаться... всегда буду думать, что в этом есть и моя вина.

- С какого времени он не показывался на улице Нотр-Дам-де-Шан?

- Вы имеете в виду у нас дома?

- А в чем разница?

- Потому что в нашем доме он не был по меньшей мере семь лет. После Брюсселя, перед тем как уехать в Марсель, Вероника еще не была замужем. До тех пор он всегда выглядел весьма импозантно - был элегантно одет, холеный... А вернулся бродяга бродягой, было ясно, что последнее время он жил впроголодь. Мы ни разу не видели его таким жалким, раскаявшимся. Несколько дней он жил у нас, так как уверял, что где-то в Габоне ему приготовлено место. Муж снова помог ему встать на ноги. Около двух лет мы ничего о нем не слышали, но однажды утром, когда я шла за покупками, я увидела, что он ждет меня на углу улицы. Не стану пересказывать его

новые измышления... Я дала ему несколько купюр... Так повторялось много раз за последние годы. Он клялся, что не встречается с Рене, что больше ничего у него не просит.

- Ив тот же день подкарауливал его?

- Да. Как я уже говорила, он продолжал вести двойную игру. Я знаю это точно со вчерашнего дня.

- Каким образом?

- У меня было предчувствие... Я боялась, что в один прекрасный день вы узнаете о существовании Филиппа и станете задавать мне конкретные вопросы...

- Вы надеялись, что это произойдет позднее, чтобы дать ему время уехать за границу?

- А вы бы поступили иначе? Ваша жена, например, вела бы себя не так, как я?

- Он убил вашего мужа.

- Допустим, это даже будет доказано, и все равно он не перестанет быть моим братом, и если он до конца своих дней проведет в тюрьме, все равно Рене не воскресит... Я знаю Филиппа. Если мне придется рассказывать на суде то, что я вам сейчас поведала, мне не поверят... Скорее это неудачник, чем преступник.

К чему с ней спорить? Но доля истины заключалась в том, что на Филиппе де Лансье лежала печать рока.

- Так вот, я разбирала бумаги мужа, в частности талоны от чеков, их у него целых два ящика, и все тщательно разложены. Он был очень аккуратным... Так я узнала, что каждый раз, когда Филипп приходил ко мне, он навещал и мужа, сначала в конторе на улице Сен-Готар, потом уже не знаю где... Наверное, поджидал на улице, как меня...

- И муж ни разу не сказал вам?

- Он не хотел меня огорчать. А я - его. Если бы мы были откровеннее друг с другом, может быть, ничего и не произошло бы... Я много над этим думала...

В среду, около полудня, пока Рене еще не вернулся, мне позвонили по телефону. Я сразу же узнала голос Филиппа.

- Может быть, он звонил из кафе, только что расставшись с Жосленом? Похоже на то. Это можно будет уточнить. Кассирша, наверное, помнит, если он брал у нее жетон для автомата.

- Он сказал, что ему необходимо со мной увидеться, что это вопрос жизни и смерти и что больше мы о нем не услышим... Он назначил свидание, вы знаете где. Я зашла туда по дороге в парикмахерскую...

- Минутку. Вы сказали брату, что идете в парикмахерскую?

- Да... Я хотела объяснить ему, почему я так спешу...

- И говорили о театре?

- Постойте... Да, я почти уверена... Я, должно быть, сказала: "Мне нужно к парикмахеру, потому что вечером мы с Вероникой идем в театр..." Он выглядел еще более нервным, чем раньше... Сказал, что совершил большую глупость, не уточняя, какую именно, но дал понять, что его разыскивает полиция. Ему нужна была крупная сумма, чтобы сесть на пароход, идущий в Южную Америку...

Я отдала ему все деньги, которые у меня были с собой.

Не понимаю, с чего бы это ему вечером приходило, чтобы убить моего мужа.

- Он знал, что пистолет в ящике?

- Он лежит там по меньшей мере лет пятнадцать, а может быть, и больше. А Филипп ведь, как я говорила, жил у нас какое-то время.

- Разумеется, он знал, где в кухне висит ключ.

- Он не взял денег. У мужа в бумажнике были, но он даже не дотронулся. Деньги были и в секретере, а у меня в комнате лежали драгоценности.

- Ваш муж не выписал чека на имя Филиппа в день смерти?

- Нет.

Они молча смотрели друг на друга.

- Думаю, - вздохнул Мегрэ, - это и есть объяснение.

- Муж отказал ему?

- Вероятно.

А может быть, удовольствовался тем, что дал своему шуруину несколько купюр, которые были у него в кармане?

- У вашего мужа была с собой чековая книжка? В противном случае он мог бы назначить Филиппу свидание вечером.

- Он всегда носил ее с собой.

Может быть, Лансье, потерпев неудачу утром, решил попытаться снова? Шел он туда уже с намерением убить Жослена? Надеялся ли он, что, когда сестра получит наследство, он сможет вытягивать у нее побольше денег?

Мегрэ не старался продумать все возможные варианты. Действующие лица были для него ясны, а дальнейшее уже дело судей.

- Вы не знаете, он давно в Париже?

- Клянусь вам, даже представления не имею. Признаюсь, я рассчитываю только на то, что он успеет уехать за границу и больше я о нем не услышу.

- А если в один прекрасный день он снова потребует у вас денег? Если вы получите телеграмму, скажем, из Брюсселя, из Швейцарии или откуда-нибудь еще с просьбой выслать ему денежный перевод?

- Не думаю, что... - Она не закончила фразу. Впервые она опустила глаза под взглядом Мегрэ и прошептала:

- Вы мне тоже не верите.

На сей раз последовала долгая пауза, и комиссар, взяв одну из трубок, решил ее набить и раскурить. Он не осмеливался сделать это во время беседы.

Им не о чем было больше говорить. Это было очевидно. Мадам Жослен снова открыла сумку, чтобы положить платок, и громко защелкнула замок. Это было сигналом. Поколебавшись в последний раз, она встала, уже не такая чопорная, как вначале.

- Я вам больше не нужна?

- Не сейчас.

- Полагаю, вы станете его разыскивать?

Он только опустил глаза. Затем, направляясь к двери, заметил:

- У меня даже нет его фотографии.

- Я знаю, вы мне не поверите, но у меня тоже нет, только довоенная, когда он был подростком.

Мегрэ приоткрыл дверь, и оба слегка смутились, словно не знали, как попрощаться.

- Вы будете допрашивать мою дочь?

- В этом больше нет необходимости.

- Наверное, ей было очень тяжело эти дни... И зятю тоже, полагаю... У них не было оснований молчать...

Они делали это для меня...

- Я на них не в обиде.

Он неуверенно протянул ей руку, а она подала свою - в перчатке.

- Я не могу пожелать вам удачи... - прошептала она.

И, не оборачиваясь, пошла к застекленной приемной, где, увидев ее, вскочила с места взволнованная Вероника.

Глава 8

Прошла зима. Десять или двадцать раз поздно вечером, а иногда даже ночью в кабинете Мегрэ горел свет, а это означало, что какой-то мужчина или женщина сидели в кресле напротив стола, где до них сидела мадам Жослен.

Приметы Филиппа де Лансье были переданы во все полицейские участки, и его искали на вокзалах, пограничных постах и в аэропортах. Интерпол разослал карточку с приметами во все иностранные полиции.

И только в конце марта, когда трубы на крышах становятся розовыми на фоне бледно-голубого неба и начинают лопаться почки, Мегрэ, придя как-то утром в свой кабинет, впервые в этом году без плаща, снова услышал имя брата мадам Жослен.

Сама она по-прежнему жила в квартире на улице Нотр-Дам-де-Шан вместе с компаньонкой, ежедневно ходила к внукам на бульвар Брюн и гуляла с ними по аллеям парка Монсури.

Филипп де Лансье был найден мертвым - убитым несколькими ударами ножа около трех часов ночи, неподалеку от бара на улице Терн.

Газеты писали: "Драма в преступном мире".

Это было, как всегда, не совсем точно. Хотя де Лансье и не принадлежал к преступному миру, он какое-то время жил в этой среде с проституткой по имени Анжель.

Он продолжал выдумывать свои истории, и Анжель была уверена в том, что он прятался у нее, выходя лишь по ночам, только потому, что убежал из Фонтевро, где отбывал двадцатилетнее заключение.

А может быть, другие поняли, что это чужак? А может быть, с ним рассчитались за то, что он увел молодую женщину от постоянного покровителя?

Началось следствие. Правда, велось оно довольно вяло, как и всегда в подобных случаях. Мегрэ снова пришлось отправиться на улицу Нотр-Дам-де-Шан. Он снова увидел консьержку, ее ребенок уже сидел в высоком стульчике и что-то лепетал. Мегрэ поднялся на четвертый этаж, нажал на кнопку.

Хотя теперь здесь жила компаньонка, мадам Маню по-прежнему приходила на несколько часов в день, она-то и открыла дверь, не закрыв ее предварительно на цепочку.

- Это вы! - сказала она, нахмурившись, словно он мог принести лишь дурные вести.

Неужели новость была действительно плохой?

В гостиной ничего не изменилось, только на кресло Рене Жослена был брошен синий шарф.

- Мне нужно сообщить мадам...

- Пожалуйста, проходите...

И все-таки, бросив взгляд в зеркало, ему захотелось вытереть лоб.

<http://book.zehinli.info>

1961г.